

Генри Райдер

ХАГГАРД

В КОРНИ ЦАРЯ
СОЛОМОНЪ

Аллан Квотермейн

Генри Райдер Хаггард
Копи царя Соломона

Издательство «РИМИС»

1885

Хаггард Г.

Копи царя Соломона / Г. Хаггард — Издательство «РИМИС»,
1885 — (Аллан Квотермейн)

Немолодой охотник Аллэн Кватермэн соглашается сопровождать капитана Джона Гуда и сэра Генри Куртиса в опасной экспедиции в раскаленную африканскую пустыню. Отважным путешественникам необходимо отыскать брата благородного сэра Генри, без вести пропавшего при поисках легендарной сокровищницы Соломона. Волею судьбы участники похода сталкиваются с непреодолимыми, на первый взгляд, трудностями. Но искренняя дружба и благородство, смелость и взаимовыручка, опыт и смекалка помогают им с достоинством выйти из всех опасных и запутанных ситуаций. Главным героям придется пройти нелегкий путь и пережить невероятные приключения, чтобы достичь таинственных алмазных копей царя Соломона. Самый известный роман Генри Райдера Хаггарда «Копи царя Соломона» будет одинаково интересен как юному читателю, так и искушенному книголюбу.

© Хаггард Г., 1885

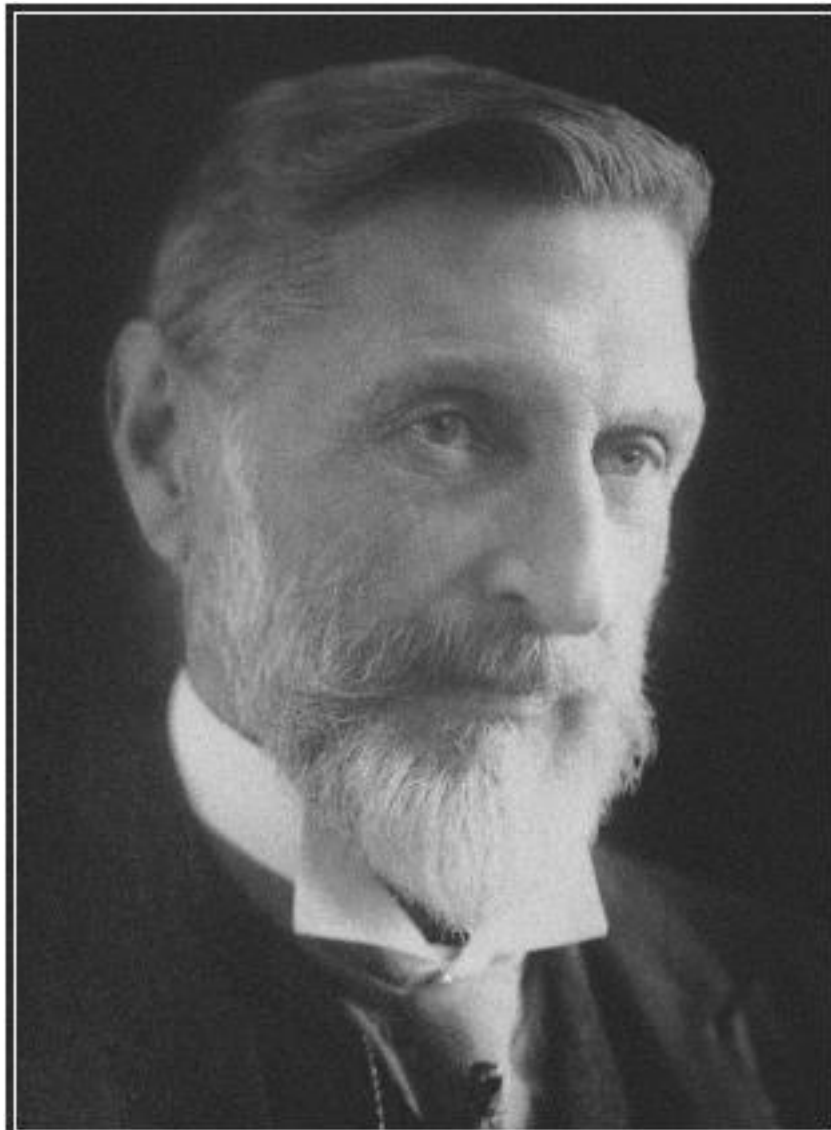
© Издательство «РИМИС», 1885

Содержание

I	6
II	10
III	15
IV	20
V	25
VI	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Генри Райдер Хаггард Копи царя Соломона

Генри Райдер ХАГГАРД (1856-1925)

H. Rider Haggard

I

Я встречаю сэра Генри Куртиса

От роду я никогда ничего не писал, а вот теперь, прожив на свете пятьдесят пять лет, вдруг принимаюсь за писание, точно какой-нибудь сочинитель. И сам не могу на себя надивиться! Неужели это я, Аллэн Кватермэн, собираюсь написать книгу? Бог знает, кончу ли я ее когда-нибудь... Чего-чего я не делал в течение моей долгой жизни! Оттого она мне и кажется такой долгой, что уж очень рано я встал на ноги и начал зарабатывать себе на хлеб насущный в такие годы, когда другие мальчишки еще в школу бегают. Промышлял и охотой, и торговлей, работал в рудниках, под землей, и вот только недавно, в последнее время, сколотил себе капиталец. Капиталец изрядный, но могу по совести сказать, что ни за какие деньги не согласился бы я пережить еще раз эти последние полтора года! Человек я от природы мирный, робкий, терпеть не могу насилий и жестокостей; а уж как мне надоели всякие приключения – и сказать не могу! А теперь еще вот принимаюсь писать книгу – право удивительно! Я человек простой, неученый, спрашивается, зачем же путаюсь не в свое дело и берусь сочинять книги? Если сказать правду, главное – потому, что сэр Генри Куртис и капитан Джон Гуд уж очень меня об этом просят. К тому же делать я теперь все равно ничего не могу и сижу у себя на квартире, в Порт-Натале, безвыходно: опять разболелась у меня левая нога, которую мне тогда изжевал этот разбойник, лев. Чуднобе, право, дело; ведь уж сколько лет с тех пор прошло, и раны мои все давным-давно зажили, а вот как придет это самое время, когда он меня искушал, – так и занает опять больное место, хоть кричи. Должно быть, какой-нибудь особенный яд у этих проклятых львов в зубах. И ведь что досадно: шестьдесят пять львов я убил на своем веку, а на шестьдесят шестом взял да и осекся; изжевал он мне ногу ни за что ни про что. Изжевал, как щепоть табаку! Разве это порядок? Ужасно я этих непорядков не люблю, потому что я человек аккуратный.

Еще для того я хочу писать книгу, чтобы мой сынок Гарри, который учится теперь в лондонской медицинской школе, мог прочитать ее на досуге и поразвлечься немного после госпитальной работы. Ведь тоже и их дело не легкое, другой раз так умается, что голова кругом пойдет. Вот пускай и почитает, позабавится; а история будет занятная, если только у меня что-нибудь выйдет. Могу сказать, не хвастаясь, что во всю мою жизнь не слыхал ничего удивительнее и страннее того, что я буду рассказывать. Трудненько мне будет все это описать, да делать нечего. Человек я хотя и смирный, а тоже немало народу перебил и изувечил на своем веку. Конечно, невинной крови не проливал и из-за угла не целился, а убивал людей открыто, в честном бою. Что делать! На то нам и жизнь дана, чтобы ее защищать... Но пора мне, однако, приняться за мой рассказ. Начну смелее: смелость города берет!

Прошло ровно полтора года с тех пор, как я в первый раз встретился с сэром Генри Куртисом и капитаном Гудом. А случилось это вот как. Был я на слоновой охоте в лесной стороне, за Бамангвато¹, и очень мне не везло. Охотился плохо, да вдобавок еще лихорадку схватил и провалялся довольно долго. Потом, как поправился, продал что было у меня слоновой кости и поехал домой через Капштадт. Тут я прожил с недельку и напоследок взял себе койку на корабле «Донкельд», отправлявшемся к нам, в Порт-Наталь. «Донкельд» только и дожидался парохода «Эдинбург-Кастль», который должен был прийти из Англии, чтобы сняться с якоря. Наконец ожидаемый пароход пришел. «Донкельд» принял новых пассажиров, какие там были, мы снялись с якоря и вышли в море.

¹ *Бамангвато* – в земле Бечуана, в Южной Африке.

Из всех пассажиров двое особенно привлекли мое внимание. Один из них, лет этак тридцати, поразил меня своим высоким ростом и богатырским сложением; такого огромного человека мне ни разу не случалось встречать. У него были светлые белокурые волосы, длинная густая борода, замечательно правильные черты и большие серые глаза; в жизнь свою не видел человека красивее его. Мне почему-то показалось, что он похож на древнего датчанина. Положим, что древних датчан я никогда не видывал, но я помню, что видел однажды картинку, на которой были нарисованы эти самые господа – что-то вроде белых зулусов². Они пили из огромных рогов, и у них были длинные волосы, развевающиеся по плечам. Когда я взглянул на господина, стоявшего у спуска в кают-компанию, мне сейчас же пришло в голову, что если бы он отрастил волосы подлиннее да надел стальную кольчугу на свою богатырскую грудь, дай ему только боевой топор и роговой кубок в руки, – и хоть сейчас пиши с него эту самую картину. И ведь поди ж ты, какое чудо! Потом я узнал, что сэра Генри Куртис – так звали этого гиганта – был в самом деле датчанин по происхождению.

Господин, разговаривавший с сэром Генри, был совсем в другом роде. Я сейчас же подумал, что он, должно быть, моряк. Не знаю отчего, но только моряка сейчас видно. Я их немало видел на своем веку, часто с ними охотился и очень их люблю; это самый лучший народ в мире. Одно только в них нехорошо: ужасно любят ругаться.

На этот раз я также не ошибся: господин действительно оказался отставным командиром британского военного флота. Звали его, как я потом узнал, Гуд, капитан Джон Гуд. Это был плотный, коренастый мужчина среднего роста, смуглый, черноволосый и довольно любопытный с виду: был он всегда необыкновенно гладко выбрит, расчесан и вычищен просто на удивление и носил стеклышко в правом глазу. Это стеклышко точно к нему приросло, потому что носил он его без шнурка и никогда не снимал, разве для того, чтобы вытереть. Сначала я думал, что он так с ним и спит, но потом узнал, что на ночь он прячет его в карман своих брюк, вместе с превосходными фальшивыми зубами, которых у него были две перемены.

Вскоре после того, как мы вышли в море, стемнело и погода переменилась к худшему. С берега подул свежий ветер. Воздух наполнился таким густым туманом, что все ушли с палубы. Наш «Донкельд» был легкое плоскодонное суденышко; его качало из стороны в сторону самым неприятным манером. Ходить по палубе было совершенно невозможно; я стал около самой машины, чтобы погреться, и от нечего делать глядел на стрелку кренометра, которая показывала размахи судовой качки.

– Ну кренометр! Черт знает, что такое! – раздалось восклицание за моей спиной.

Я повернулся и увидел флотского, которого заметил прежде.

– А чем же он плох? – спросил я.

– Чем плох? Да всем! Если бы корабль хоть раз накренился под тем углом, как он показывает, – тут бы ему и конец; давно бы перекувырнулся. На этих купеческих судах всегда так: у них все как попало, черт бы их побрал!

В эту минуту позвонили к обеду. Мы с капитаном Гудом отправились обедать вместе и нашли сэра Генри уже за столом. Капитан сел с ним рядом, а я напротив, и скоро мы разговорились об охоте.

Капитан меня обо всем расспрашивал, я отвечал как мог, и наконец зашла у нас речь о слонах.

– Ну, сэра, ваше счастье, – сказал ему кто-то из моих соседей, – вы как раз попали на самого знающего человека. Уж кому и знать про слонов, как не охотнику Кватермэну; он вам все расскажет как следует.

² Кажется, мистер Кватермэн не совсем ясно представляет себе древних датчан. Насколько нам известно, у них были черные волосы. Может быть, он разумеет древних саксов. – *Прим. автора.*

Сэр Генри, который все время молчал, прислушиваясь к нашему разговору, при этих словах заметно вздрогнул.

– Извините, сэр, – обратился он ко мне звучным басом, вполне достойным его мощной груди, – вы – Аллэн Кватермэн?

Я отвечал утвердительно. Огромный человек не сказал больше ни слова, но я слышал, как он пробормотал себе в бороду: «Чрезвычайно счастливая случайность!»

После обеда сэр Генри подошел ко мне и пригласил меня идти курить в свою каюту. Я принял его предложение, и мы отправились к нему вместе с капитаном Гудом. В каюте сэра Генри было очень хорошо и уютно; корабельный лакей принес нам бутылку виски, зажег лампу; мы уселись вокруг стола, стоявшего посредине, и закурили трубки. Когда лакей ушел, сэр Генри обратился ко мне.

– Мистер Кватермэн, – сказал он, – в позапрошлом году, около этого самого времени, вы, кажется, были в селении Бамангвато, в северной части Трансвааля?

– Да, был, – отвечал я с большим удивлением. Мне странно было, что он это знает. Кажется, мои странствия всеобщего интереса не возбуждают, и человек я неизвестный.

Сэр Генри взглянул мне прямо в лицо пронизательными серыми глазами, и мне показалось, что его взгляд выражает какую-то непонятную тревогу.

– Не встречали ли вы там господина по имени Невилл? – спросил он.

– Как же, как же! Он кочевал рядом со мной целых две недели, чтобы дать отдохнуть своим волам перед тем, как отправиться в глубь страны. Несколько месяцев тому назад я получил письмо от одного нотариуса, который спрашивал меня, не знаю ли я, что случилось потом с этим Невиллом. Я тогда же написал ему все, что знал.

– Да, – сказал сэр Генри, – он переслал мне ваше письмо. Вы писали, что джентльмен по имени Невилл выехал из Бамангвато в начале мая, что с ним была большая фура и три человека прислуги: кучер, проводник и охотник-кафр, по имени Джим; что, отправляясь в путь, он имел намерение проникнуть, если возможно, вплоть до Иниати – крайнего торгового пункта Матабельской земли³, а там продать свою фуру и продолжить путешествие пешком. Кроме этого, вы упомянули, что он действительно продал фуру, потому что полгода спустя вы видели ее у одного португальского купца, который сказал вам, что купил ее в Иниати у какого-то белого человека, имени которого он не помнит, и что этот белый отправился вместе с прислужником из туземцев в глубь страны, вероятно на охоту.

– Да, я это писал.

– Скажите мне, мистер Кватермэн, – спросил сэр Генри после минутного молчания, – вы ничего больше не знаете о путешествии моего... я хотел сказать, мистера Невилла? У вас нет никаких догадок или подозрений насчет того, какие были его намерения и куда именно он отправлялся?

– Кое-что я об этом слышал, – отвечал я, но сейчас же умолк: мне не хотелось распространяться об этом предмете.

Сэр Генри вопросительно посмотрел на капитана Гуда; капитан кивнул.

– Мистер Кватермэн, – сказал сэр Генри, – я сейчас расскажу вам один случай и попрошу вашего совета, а может быть, даже и содействия. Агент, переславший мне ваше письмо, заверил меня, что я могу вполне на вас положиться, так как вы, по его словам, человек известный во всем Натале и пользующийся всеобщим уважением. Но прежде всего вам необходимо знать, почему я так интересуюсь этим Невиллом: он мой родной брат.

– Вот как! – сказал я и невольно вздрогнул.

– Он был мой младший и единственный брат, – продолжал сэр Генри, – и мы с ним почти никогда не расставались, вплоть до того, что случилось пять лет тому назад. Но тут нашу семью

³ Матабельская земля – западная часть Южной Родезии; в настоящее время входит в состав Капской колонии.

неожиданно постигло ужасное бедствие: мы с братом поссорились не на жизнь, а на смерть, и я поступил с ним очень несправедливо.

Капитан Гуд энергично закивал, как бы в подтверждение этих слов. Мне его было отлично видно в зеркало, которое висело против нас.

– Вы, конечно, знаете, – говорил сэр Генри, – что, когда человек, имеющий только земельную собственность, умрет, не оставив завещания, то по английским законам все его имение переходит к старшему сыну. Так случилось и с нами: наш отец умер, не оставив никакого завещания, и как раз в то самое время, когда мы так ужасно поссорились. Поэтому брат мой, не подготовленный почти ни к какой профессии, остался без гроша. Конечно, я обязан был позаботиться о нем, но в это время ссора наша была в полном разгаре, и, к стыду моему, я должен признаться (тут он глубоко вздохнул), что ничего для него не сделал. Не то чтобы я ему чего-нибудь пожалел, –нисколько; но просто мне не хотелось самому начинать, я все ждал, что он сделает первые шаги, а он так ничего и не сделал. Мне очень совестно утруждать вас всеми этими подробностями, мистер Кватермэн, но я должен рассказать вам все без утайки. Ведь так, Гуд?

– Непременно, непременно, – подтвердил капитан. – Я убежден, что мистер Кватермэн никому ничего не расскажет.

– Само собой разумеется, – сказал я.

– Ну-с, – продолжал сэр Генри, – в то время у моего брата было еще немного денег. В один прекрасный день, не говоря мне ни единого слова, он забрал эти несчастные деньжонки и отправился в Южную Африку под вымышленным именем Невилл, с безумной надеждой нажать себе там состояние. Об этом узнал я уже впоследствии. Прошло три года; я ничего не слышал про брата, хотя писал ему несколько раз. Конечно, письма до него не доходили. Время шло, и я начинал все больше о нем беспокоиться. Тут я понял, как много значит кровное родство...

– Еще бы! – сказал я и подумал про своего сына Гарри.

– Я почувствовал, мистер Кватермэн, что готов отдать все на свете, лишь бы узнать, что мой брат Джордж жив и здоров и что когда-нибудь я его снова увижу!

– Только что-то мало надежды на это, – заметил капитан.

– Итак, чем дальше, тем больше тревожился я о брате, мистер Кватермэн, и раздумывал о том, жив он или умер, и если жив, то как бы мне вернуть его домой. Кроме него, у меня нет никого на свете. Я послал на разведки пеших гонцов, и в результате получилось ваше письмо. Письмо это было довольно утешительно, потому что оно доказывало, что Джордж еще недавно был жив и здоров, но все-таки мне этого было мало. В конце концов я решился отправиться на поиски сам, и капитан Гуд был так добр, что поехал со мной.

– Да, – сказал капитан, – тем более что мне ничего другого не оставалось. Оставили за штатом на половинном жалованье – просто хоть околевай. Теперь, сэр, вы, вероятно, не откажетесь сообщить нам все, что знаете про человека, называвшего себя Невиллом...

II

Предание о копиях царя Соломона

– Что вы слышали в Бамангвато о путешествии моего брата? – спросил сэра Генри, пока я набивал свою трубку.

– Да кое-что действительно я слышал, – отвечал я, – но только не заикнулся об этом ни одной живой душе до нынешнего дня. Я слышал, что он собирается в Соломоновы копи.

– В Соломоновы копи! – воскликнули оба моих слушателя в один голос. – А где же они?..

– Этого я не знаю; знаю только, где они будто бы должны быть. Однажды мне привелось увидеть вершины гор, которые их ограждают, но только от того места, где я был, и до этих гор оставалось перейти пустыню – с лишком сто тридцать миль, – и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из белых людей ее перешел, кроме одного-единственного случая. Впрочем, я думаю, что мне всего лучше рассказать вам все предание о Соломоновых копиях целиком, как я его знаю. Только вы должны обещать мне, что без моего позволения никому не откроете того, что я вам расскажу. Согласны вы или нет? Я имею на это свои причины.

Сэр Генри утвердительно кивнул, а капитан Гуд поспешил прибавить:

– Разумеется, разумеется.

– Ну-с, – начал я, – вы легко можете себе представить, что охотники на слонов – народ вообще грубый, неотесанный. Но иногда попадаются между ними и такие люди, которые собирают туземные предания и стараются понемногу выяснить историю этой темной, безвестной страны. Вот один из таких людей и рассказал мне когда-то предание о Соломоновых копиях. Я тогда был в первый раз на слоновой охоте в Матабельской земле. Звали его Ивансом; на следующий год беднягу убил раненный им буйвол, и он похоронен около водопадов Замбези. Помнится, я рассказывал Ивансу как-то вечером об удивительных горных шахтах, на которые я однажды набрел в Трансваале во время охоты. В последнее время на них опять нечаянно напали при розысках золотоносных жил; мне же они давным-давно были известны. Я рассказал ему, какая там прекрасная дорога высечена в скале, какие устроены галереи, ходы и переходы; как хорошо выложены стены. – Это что!.. Я тебе еще лучше скажу! – отвечал мне Иванс и начал рассказывать, как он набрел внутри страны на целый разрушенный город. По его мнению, то были развалины библейского Офира, и с тех пор я не раз слышал то же предположение и от других людей, поученее бедного Иванса. Я тогда и уши развесил, слушая про эти чудеса; молод еще был, так оно и неудивительно. Вдруг Иванс говорит мне: – А что, милый, ты никогда не слыхал про Сулимановы горы, те, что лежат на северо-запад от Машукулумбы? – Нет, говорю, никогда не слыхал. – А вот там-то были у Соломона копи, знаменитые его алмазные копи. – А вы почему знаете? – спрашиваю я. – Да уж так, знаю. Ты сам посуди, ну что такое Сулиман, как не Соломон⁴? К тому же одна старая колдунья из племени маника все мне про это рассказывала. Она говорила, что народ, живущий за этими горами, тоже принадлежит к племени зулусов и говорит на одном из зулусских наречий, но только он сильнее и красивее зулусов. По ее словам, среди этого народа есть много волшебников, которые выучились своему волшебному искусству у белых людей в те далекие времена, «когда на земле царил мрак», и знают тайну чудесных копей, где добываются «сияющие камешки».

Тогда я посмеялся над этим рассказом: алмазные россыпи еще не были открыты. Бедный Иванс погиб, и я потом целых двадцать лет не вспоминал об этой истории. Но ровно двадцать лет спустя я услышал более определенный рассказ про Сулимановы горы и про ту страну, что лежит за ними. Был я однажды в деревушке Ситанда-Крааль. Прежалкая, скажу вам, дере-

⁴ Соломон – по-арабски Сулиман.

вушка: еды никакой, да и охотнику не много поживы. Но на меня напала лихорадка, и волей-неволей пришлось там оставаться. Было очень плохо, как вдруг в один прекрасный день приезжает туда португалец и при нем слуга-мулат. Я хорошо знаю своих делагойских португальцев; это самый отвратительный народ в мире, и все торгуют невольниками. Всех бы их на виселицу, дьяволов! Но только мой приезжий был ни чуточки не похож на тех негодяев, которых я привык встречать, даже совсем напротив. То был высокий худошавый человек, с большими темными глазами и вьющимися седыми усами. Мы с ним немножко потолковали, потому что он мог говорить на ломаном английском языке, а я кое-что понимаю по-португальски; он сообщил мне, что зовут его Хосе Сильвестра и что у него есть имение около Делагойской бухты. На другой день он уехал вместе со своим товарищем и очень вежливо со мной раскланялся. – До приятного свидания, синьор, – сказал он на прощание, – если мы когда-нибудь снова увидимся, я буду самым богатым человеком в целом мире и, уж конечно, не забуду и вас. – Я тогда только усмехнулся и посмотрел ему вслед, соображая, что он хотел этим сказать? Уж не рехнулся ли он; или в самом деле что-нибудь особенное затеял? Прошла неделя, и мне стало гораздо лучше. В один прекрасный вечер сию я около своей палатки и смотрю, как садится знойное, багровое солнце за великой пустыней, как вдруг вижу какую-то фигуру – судя по одежде, европейца, – которая вдруг показалась из-за холма шагах в трехстах от меня. Фигура эта сначала ползла на четвереньках, потом встала на ноги, кое-как протащила несколько шагов и опять упала. Вижу, дело плохо: должно быть, очень слаб человек; я кликнул одного из своих охотников и послал к нему на помощь. Ну, как вы думаете, кого он мне привел?

– Да, конечно, Хосе Сильвестру, – сказал капитан Гуд.

– Да, Хосе Сильвестру или, лучше сказать, его тень: от него остались только кожа да кости. Лицо у него пожелтело, как лимон, от желтой лихорадки, и исхудал он так, что его черные глаза точно выскочить хотели вон из головы; волосы совсем побелели. – «Воды! воды!» – простонал он, и тут я заметил, что губы у него совсем растрескались и пересохли и даже язык почернел от жажды; просто страшно было смотреть. Я принес ему воды, разбавленной молоком, и он начал пить огромными глотками, с жадностью. Кажется, он готов был пить без конца, но только очень-то много я ему не дал сразу. После того с ним опять сделался жестокий приступ лихорадки, он упал в полном изнеможении и начал бредить как безумный, толкуя про Сулимановы горы, про алмазы и пустыню. Я перенес его к себе в палатку и сделал для него все, что мог; да только что уж тут сделаешь – сейчас было видно, к чему идет дело! На рассвете просыпаюсь, гляжу – а он сидит на постели, чудной такой, худой, весь иссохший, и смотрит так пристально в ту сторону, где виднеется пустыня сквозь утренний сумрак. В эту минуту первые лучи восходящего солнца ударили по ту сторону широкой равнины и озарили высочайшую вершину Сулимановых гор далеко, далеко, за сотни миль от нас. – Вот они! Вот они! – закричал умирающий, протягивая к пустыне длинную, исхудалую руку. – А я так никогда и не дойду до них, никогда, никогда... И никто, никто не дойдет.

Тут он умолк и задумался. Казалось, он принимает какое-то решение.

– Друг, – промолвил он внезапно, обращаясь в мою сторону, – ты здесь? Мое зрение становится смутно... я тебя не вижу. – Здесь, говорю, лежите себе спокойно и постарайтесь уснуть. – Нет, говорит, скоро я усну навеки, тогда успею лежать спокойно – целую вечность буду лежать! Послушай, я умираю... Ты сделал мне много добра. Я отдам тебе документ. Может быть, ты и дойдешь, если только удастся благополучно пройти ту пустыню, которая убила меня и моего бедного слугу. – Тут он порылся у себя за пазухой и вытащил оттуда какую-то вещь, которая показалась мне похожей на табачный кисет из шкуры антилопы, точно такой, какой обыкновенно носят буры⁵. Он был крепко завязан бечевкой, которую бедняга никак не мог развязать.

⁵ Буры – потомки первых голландских колонистов, поселившихся в Южной Африке.

– Возьми, развяжи это, – сказал он мне. – Я исполнил его желание и вынул из мешка лоскутки пожелтевшей холстины, на которой было что-то нацарапано полинявшими, точно ржавыми, чернилами. В лоскутке оказалась бумага. Португалец заговорил слабеющим голосом: – Тут на бумаге написано все то же, что и на лоскутке... Я употребил целые годы, чтобы прочесть и разобрать это... Дело вот в чем: мой прапрадед, переселившийся сюда из Лиссабона, один из первых португальцев, ступивших на африканский берег, написал это, умирая среди страшных гор, на которых не бывало ноги белого человека ни до, ни после него. Его звали Хосе да Сильвестра, и жил он триста лет тому назад. Невольник, ожидавшийся его по эту сторону гор, нашел его мертвым и принес то, что он написал, домой, в Делагоа. С тех пор в нашей семье хранился этот исписанный лоскуток, но никто не полюбопытствовал прочесть его, пока я не догадался это сделать. Из-за него я теперь погибаю, но, может быть, другому удастся... и будет этот человек величайшим богачом во всем мире, – да, во всем мире! Только не отдавай никому, лучше ступай туда сам... – Тут он снова впал в забытие, а через час все было кончено. Он умер очень спокойно, и я зарыл его как можно глубже и навалил больших камней ему на грудь, так что шакалы, вероятно, не могли его выкопать. После этого я оттуда уехал.

– Ну а документ? – спросил сэр Генри с величайшим интересом.

– Что там было написано? – прибавил капитан.

– Так и быть, господа, я вам все расскажу. До сих пор я никому этой бумаги не показывал, кроме покойницы жены, которая считала все это вздором, да еще одного старого пьяного торговца-португальца, который перевел мне эту штуку и на другое утро обо всем позабыл. Подлинный холщовый лоскут и копия бедного дона Хосе хранятся у меня дома, в Порт-Натале; но английский перевод всегда со мной, в записной книжке, а равно и снимок с карты – если только можно назвать это картой. Вот, слушайте:

«Я, Хосе да Сильвестра, умирающий с голоду в маленькой пещере, там, где нет снега, на северном склоне южнейшей из двух гор, названных мною грудями Царицы Савской, пишу это в 1590 году, на лоскутке моей одежды, обломком кости и собственной моею кровью. Если мой невольник найдет его, когда придет, и отнесет домой, пусть друг мой такой-то (следует неразборчиво написанное имя) доведет обо всем этом до сведения короля, дабы он отправил туда свое войско. Если войско благополучно пройдет через пустыню и горы и восторжествует над храбрыми кукуанами и их волшебными богомерзкими чарами (для чего надлежит послать побольше священников), – тогда король станет самым богатым из властелинов мира со времен царя Соломона. Я видел собственными глазами несметные груды алмазов в сокровищнице Соломоновой, за белой Смертью, но мне изменила чародейка Гагула, и я не мог унести ничего и едва спас собственную жизнь. Пусть тот, кто пойдет по моим стопам, следует по пути, начертанному на карте, и потом идет вверх по снежному склону левой груди Царицы Савской, пока не взойдет на самую вершину до ее соска; там, на северной стороне, будет великий путь, проложенный Соломоном, – Соломонова дорога. Отсюда три дня пути к королевской столице. Пусть он убьет Гагулу. Прощайте.

Хосе да Сильвестра».

Когда я прочел этот документ и показал моим слушателям точный снимок с карты, начертанной рукою умирающего португальца его собственной кровью, наступило глубокое молчание. Все были страшно изумлены.

– Ну, – сказал капитан Гуд, – признаюсь! Два раза я обошел вокруг света, и в каких только местах не был – но при всем том пусть меня повесят, если я слышал что-нибудь чуднее этой истории! Разве что в сказке, да и то нет...

– В самом деле, очень странная история, мистер Кватермэн, – сказал сэр Генри. – Надеюсь, вы говорите серьезно и не хотите нас одурачить? Я знаю, что над новичками иногда жестоко подшучивают и что это считается вполне позволительным.

Меня так и взорвало. Я не люблю, чтобы меня принимали за одного из тех дураков, которые воображают, что ложь – чрезвычайно остроумная вещь, и вечно рассказывают неопытным новичкам разные охотничьи небылицы.

– Если вы так думаете, сэр Генри, – сказал я, – нам нечего больше и толковать.

С этими словами я сунул бумагу в карман и встал, собираясь сейчас же уйти. Но сэр Генри положил на мое плечо свою огромную ручищу.

– Сядьте, мистер Кватермэн, – сказал он. – Извините меня, пожалуйста; я вижу, что вы не думаете нас обманывать, но ваш рассказ до такой степени необычен, что сразу трудно ему поверить.

– Я вам покажу подлинную карту и письмо, когда мы приедем в Дурбан, – сказал я, успокоившись.

Да и в самом деле, если хорошенько сообразить, неудивительно, что он усомнился в достоверности моего рассказа.

– Я вам еще недосказал про вашего брата, – продолжал я. – Я хорошо знал его слугу Джима, который был при нем. Этот Джим, бекуанец родом, отличный охотник и для туземца даже очень умный малый. Утром в тот самый день, как уехать мистеру Невиллу, вижу – стоит Джим недалеко от моей фуры и крошит табак.

– Джим, куда это вы собрались? Слонов, что ли, бить?

– Нет, – говорит, – баас (господин), наша добыча будет почище слоновой кости.

– Неужто? Что бы это такое было! – спрашиваю я с любопытством. – Уж не золото ли?

– Нет, – говорит, – еще дороже золота! – А сам ухмыляется во всю рожу.

Я не стал его больше расспрашивать; мне показалось, что я унижу свое достоинство, если буду слишком любопытствовать, но, признаюсь, это сильно меня задело за живое. Вижу, кончил Джим ворошить свой табак.

– Баас, а баас! – кличет он меня.

– Что, – говорю, – тебе?

– Баас, а ведь мы едем за алмазами!

– За алмазами? Так вы совсем не туда едете! Вам нужно держать путь на россыпи.

– А слышали вы про Сулимановы горы, баас?

– Как не слышать!

– А про алмазы, которые там запрятаны, слышали?

– Мало ли что я слышал, Джим. Все это глупости, вздор.

– Нет, не вздор, баас! Я знавал одну женщину, которая пришла оттуда с ребенком и после отправилась в Порт-Наталь; она мне сама говорила. Только теперь она уже умерла.

– Если вы вздумаете прокатиться в Сулиманову землю, твой хозяин непременно пойдет на угощение хищным птицам, Джим, да и ты также.

А он себе ухмыляется:

– И то может быть, баас. Нам всем суждено умереть. А все-таки я с удовольствием побываю в новых местах; здесь у нас и слоны как будто переводиться стали.

Через полчаса вижу я, что фура Невилла тронулась в путь. Вдруг Джим бежит ко мне назад.

– Прощайте, баас, – говорит. – Мне не хотелось уехать, не простившись с вами: ведь по правде сказать, я и сам тоже думаю, что нам не вернуться оттуда.

– Неужто, – говорю, – твой хозяин в самом деле собрался в Сулимановы горы, Джим? Ты не врешь?

– Нет, – говорит, – в самом деле собрался. Он уверяет, что ему нужно во что бы то ни стало нажать себе состояние, так уж заодно хочет и там попробовать счастья.

– Коли так, – говорю, – подожди минутку. Отдай ему записку, да обещавай, что не отдашь ее до тех пор, пока вы не приедете в Иниати (а это миль, должно быть, за сто оттуда). Обещаешь?

– Хорошо, баас.

Тогда я взял клочок бумаги и написал: «Пусть тот, кто пойдет... идет вверх по снежному склону левой горы Царицы, пока не взойдет на самую вершину; там, на северной стороне, будет великая Соломонова дорога».

– Слушай, Джим, когда ты отдашь своему хозяину эту записку, скажи ему, чтобы он исполнил как можно точнее все, что здесь написано. А теперь ни за что не отдавай, потому что я совсем не хочу, чтобы он приставал ко мне с вопросами, на которые я не хочу отвечать.

Джим взял мою записку и побежал догонять фуру, которая почти уже скрылась из виду. Вот все, что я знаю про вашего брата, сэр Генри. Боюсь только...

– Мистер Кватермэн, – перебил сэр Генри, – я собираюсь отыскивать брата; я решился идти за ним следом в Сулимановы горы, а если понадобится – и еще того дальше. Буду искать его до тех пор, пока не найду или пока не узнаю, что он умер. Согласны вы идти со мной?

Кажется, я уже говорил раньше, что я человек осторожный и даже, можно сказать, робкий; а потому такое предложение меня ничуть не обрадовало. Мне представилось, что решиться на подобное путешествие – все равно что идти на верную смерть.

– Очень вам благодарен, сэр Генри, – отвечал я, – но только вряд ли я с вами отправлюсь. Я уже слишком стар для таких отчаянных предприятий, и к тому же с нами, наверное, было бы то же самое, что с моим бедным другом Сильвестрой. А у меня сын на руках, так что я не имею права рисковать своей жизнью.

И сэр Генри, и капитан Гуд, видимо, остались очень недовольны.

– Мистер Кватермэн, – сказал первый из них, – я человек обеспеченный, а дело это мне очень дорого. Вы можете назначить какое угодно вознаграждение за ваши услуги, и оно будет вам выплачено, все сполна, сию же минуту, прежде чем мы отправимся в путь. Кроме того, я сделаю заблаговременно все необходимые распоряжения, чтобы ваш сын был обеспечен как следует, если с нами или с вами что-нибудь случится. По этому вы можете судить, до какой степени я считаю ваше присутствие необходимым. Если мы как-нибудь действительно доберемся до того места и найдем алмазы, вы разделите их пополам с Гудом. Мне они не нужны. Конечно, на это совершенно нечего рассчитывать; это условие скорее можно применить к слоновой кости, которую мы, может быть, добудем. Берите что хотите, только соглашайтесь. Само собой разумеется, что все издержки на мой счет.

– Сэр Генри, – отвечал я, – это самое выгодное предложение, какое мне случилось иметь в жизни, и, конечно, такому бедному охотнику, как я, стбит о нем серьезно подумать. Но зато и дело нелегкое – во всю мою жизнь на такой трудный подвиг не приходилось подниматься. Мне непременно нужно все это хорошенько обдумать. Я дам вам окончательный ответ прежде, чем мы будем в Порт-Натале.

– Прекрасно, – сказал сэр Генри.

Затем я пожелал им спокойной ночи и пошел спать. Всю ночь напролет снился мне бедный Сильвестра и грезились алмазы.

III

Омбопа поступает к нам на службу

От Капштадта до Дурбана всего от четырех до пяти дней пути, смотря по погоде и по кораблю.

По дороге в Наталь я все время обдумывал предложение сэра Генри. Дня два мы с ним об этом не говорили ни слова; наконец в один прекрасный январский вечер (январь ведь у нас самый жаркий месяц в году) мы очутились в виду Порт-Наталя и пошли вдоль берега, рассчитывая, что на закате как раз обогнем Дурбанский мыс. Начиная от самого Эст-Лондона, берег тут удивительно красив: красные песчаные холмы и широкие полосы яркой зелени, усеянные кафрскими хижинами и окаймленные белоснежной лентой морской пены, нагроможденной целыми грудями в тех местах, где прибой разбивается о береговые скалы. Но перед самым Наталем берег становится особенно живописен. Тут попадаются на каждом шагу глубокие овраги, промытые в холмах в течение целых столетий дождевыми потоками, и по этим оврагам стремительно низвергаются в море сверкающие речки; тут красуется темная зелень привольно растущих кустарников, и рядом зеленеют рощи хлебных деревьев и плантаций сахарного тростника. Там и сям выглядывают из зелени белые домики и улыбаются спокойному морю, точно нарочно для того, чтобы придать более законченности всему пейзажу и уютный домашний вид всей местности.

Мы немного ошиблись в расчетах, и солнце уже совсем село, когда мы бросали якорь по ту сторону мыса и услышали пушечный выстрел, возвещавший добрым людям о благополучном прибытии английской почты.

Было так поздно, что ехать на берег в тот же вечер нечего было и думать, так что мы постояли, посмотрели, как отправляют почту на спасательных лодках, и спокойно пошли обедать.

Когда мы снова вышли на палубу, луна уже взошла и так ярко освещала море и берег, что в ее сиянии совсем побледнели быстро вспыхивающие огни маяка. С берега струился сладкий пряный аромат. Окна домов на Бережной набережной сияли бесчисленными огнями. С большого корабля, стоявшего рядом, доносилась песня матросов, поднимавших якорь, чтобы быть наготове, когда подует ветер.

Вообще-то была дивно прекрасная ночь, одна из тех чудных ночей, какие бывают только в Южной Африке. Как луна одевала всю природу серебряной тканью, так эта дивная ночь окутывала всякое живое существо покровом покоя и мира. Даже огромный бульдог, принадлежавший одному из наших пассажиров, и тот поддался ее чарующему обаянию: он не старался больше добыть из клетки несчастную обезьяну, помещенную у подножия фок-мачты, и сладко храпел у входа в каюту. Должно быть, он видел во сне, что уже прикончил обезьяну, – и был вполне счастлив.

Мы все, то есть сэр Генри Куртис, капитан Гуд и я, сели около рулевого колеса; некоторое время мы сидели молча.

– Что же, мистер Кватермэн, – сказал наконец сэр Генри, – обдумали вы мое предложение?

– Да, да! – подхватил капитан Гуд. – Что же вы надумали, мистер Кватермэн? Надеюсь, что вы осчастливите нас своим присутствием и отправитесь с нами в Соломоновы копи и вообще всюду, куда только мог забраться тот господин, которого вы звали под именем Невилла?

Я встал и, прежде чем отвечать им, стал вытряхивать свою трубку. Я еще не совсем решил, что сказать, и мне нужно было выгадать минуточку на размышление, чтобы решиться

вполне. И не успел горячий пепел из моей трубки упасть в море, как дело уже сладилось: на это как раз пошла лишняя минута. Это очень часто бывает, что долго никак не можешь что-нибудь решить, думаешь, думаешь – и вдруг сразу решишься.

– Да, господа, – отвечал я, снова усаживаясь на место, – я поеду с вами и, если позволите, сейчас сообщу вам, почему именно и на каких условиях я решаюсь это сделать. Прежде всего об условиях. Во-первых, все издержки на ваш счет и вся слоновая кость, все вообще ценное, что мы добудем во время нашего путешествия, должно быть разделено поровну между капитаном Гудом и мною. Во-вторых, прежде чем мы тронемся в путь, вы уплатите мне единовременно пятьсот фунтов за мои услуги, а я, со своей стороны, обязуюсь служить вам верой и правдой до тех пор, пока вы сами не откажетесь от вашего предприятия, или пока мы не достигнем нашей цели, или же наконец пока с нами не случится несчастья. В-третьих, прежде чем ехать, мы заключим письменный договор, в силу которого, в случае моей смерти или увечья, вы обязуетесь выплачивать моему сыну Гарри, изучающему в Лондоне медицину, по двести фунтов ежегодно в течение пяти лет. В эти пять лет он как раз станет на ноги и будет в состоянии сам себя содержать. Вот вам и все мои условия, да и то уж не много ли будет?

– Нисколько, – отвечал сэр Генри. – Я принимаю их с радостью. Я страшно держусь за свое предприятие и готов заплатить за ваше содействие еще дороже; особенно если принять во внимание, что вы обладаете такими драгоценными сведениями.

– Прекрасно. А теперь я скажу вам, по каким причинам я решился с вами отправиться. Во-первых, господа, я все время присматривался к вам, и не сочтите за дерзость, если я прямо скажу, что вы мне нравитесь. Мне сдается, что мы отлично пойдем в одной упряжке, а, право, это немало значит, когда собираешься вместе в такое длинное путешествие. Что касается самого путешествия... скажу вам напрямик, сэр Генри и капитан Гуд, вряд ли мы оттуда вернемся живыми и здоровыми, то есть, конечно, в том случае, если мы попытаемся перейти Сулимановы горы. Что случилось со старым португальцем да Сильвестрой триста лет назад? Что случилось с его потомком двадцать лет назад? Что случилось с вашим братом? Говоря откровенно, господа, мне кажется, что было с ними, то будет и с нами.

Я остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели мои слова. Капитан Гуд чувствовал себя не совсем приятно; но сэр Генри нисколько не изменился в лице.

– Попробуем, – сказал он.

– Может быть, вам покажется странным, – продолжал я, – что при таких мыслях я решаюсь предпринять подобное путешествие, несмотря на то что сам я, как я уже говорил раньше, человек робкий. На это есть две причины. Во-первых, я фаталист и думаю, что час мой придет в свое время, совершенно независимо от моих собственных поступков, так что если мне суждено отправиться в Сулимановы горы и быть там убитым, так оно непременно и будет. Во-вторых, я человек бедный. Вот уже скоро сорок лет, как я промышляю охотой, а все ничего себе не нажил; только и хватает мне на прожиток. К тому же, господа, не знаю, известно вам или нет, что охотники на слонов живут средним числом от четырех до пяти лет, начиная с того времени, как принимаются за свое ремесло. Так что я пережил уже семь с лишним поколений людей моего сословия, и мое время, наверно, должно быть недалеко. Ну а если теперь со мной случится какое-нибудь несчастье, что при нашем ремесле вещь довольно обыкновенная, тогда после уплаты моих долгов ровно ничего не останется для обеспечения моего сына Гарри, пока он будет учиться добывать себе хлеб насущный. Между тем как теперь он будет обеспечен на пять лет. Вот вам и все мои соображения как на ладони.

– Мистер Кватермэн, – отвечал сэр Генри, который все время слушал меня с величайшим вниманием, – все соображения, заставляющие вас решиться на такое предприятие, которое, по вашему собственному убеждению, может окончиться только несчастливо, делают вам большую честь. Без всякого сомнения, только время и события могут нам показать, насколько вы правы. Но так или иначе, говорю вам раз навсегда, что я намерен упорствовать до конца, каков бы он

ни был. Скажу только одно: даже если нам несдобровать под конец, все-таки я надеюсь, что до тех пор нам удастся хоть немножко поохотиться в свое удовольствие. Правда, Гуд?

– Конечно, конечно, – подхватил капитан. – Мы, все трое, привыкли встречать опасность лицом к лицу и все не раз рисковали жизнью на разные лады, так что теперь, уж разумеется, не стóит отступать.

– А теперь пойдемте-ка вниз, в общую каюту, поглядим, нет ли там чего хорошего.

Так мы и сделали: пошли вниз и распили бутылочку.

На другой день мы съехали на берег, и я поместил сэра Генри и капитана Гуда в своей маленькой дачке на Верейской набережной, где я сам обыкновенно живу. В моем домике всего три комнаты и кухня, и выстроен он просто – из кирпича с железной крышей, но зато у меня хороший сад, с чудесными молодыми деревьями редких пород, подаренными мне директором ботанического сада. От этих деревьев я жду многого и очень на них надеюсь. За садом смотрит один из моих бывших охотников, по имени Джек; он был так тяжело ранен в бедро буйволицей, что, уж конечно, ему никогда больше не придется охотиться. Но кое-как ковылять с места на место и садовничать он может, тем более что он из племени грика. Вот зулуса уж ни за что не приохотишь к садоводству: это самое мирное занятие, а мирные занятия им совсем не по нутру.

Сэр Генри и капитан Гуд ночевали в палатке, которую я разбил для них в конце сада, посреди моей апельсиновой рощицы, потому что в домике негде было поместиться. Впрочем, и там было очень недурно, если сообразить, как чудно благоухали цветы и как красивы вместе незрелые зеленые плоды и зрелые золотые (у нас в Натале на апельсиновых деревьях все бывает разом: и цвет, и плод), к тому же и москитов здесь мало, разве после необыкновенно сильного дождя.

Однако пора мне продолжать рассказ, а не то он надоест вам гораздо раньше, чем мы доберемся до Сулимановых гор. Так как я уже решился ехать, то и приступил поскорее к необходимым приготовлениям. Прежде всего я получил от сэра Генри тот документ, в котором заключалось обеспечение моего мальчика на случай беды. Оформление этого документа на законных основаниях не обошлось без некоторых затруднений, так как сэр Генри был не здешний, но в конце концов дело уладил нам некий юрист, который, впрочем, содрал за это ужасные деньги – двадцать фунтов стерлингов! Приняв все эти предосторожности, я купил для сэра Генри фуру и быков – просто загляденье. Фура была в двадцать два фута длиной, на железных осях, очень прочная и легкая, вся из сухого дерева. Она была далеко не нова и уже успела проехать на алмазные россыпи и обратно, но, по-моему, это только лучше: если и есть какой изъян, так на старой скорее его разглядишь. Если уж в фуре что-нибудь непрочно слажено или дерево сыро, она развалится в первое же путешествие.

Наша фура была крыта только наполовину, а спереди оставалось еще открытое пространство для всяких необходимых пожитков, которые мы брали с собой.

В закрытой части помещалась койка для двух человек, полки для оружия и разные другие приспособления. Я дал за нее сто двадцать пять фунтов, и, по-моему, это совсем не дорого. Потом я купил двадцать чудеснейших зулусских быков, на которых уже давно заглядывался. Обыкновенно на одну запряжку полагается шестнадцать быков, но я прихватил еще две лишние пары на всякий случай. Эти зулусские быки малорослы и легки; по величине они, пожалуй, вдвое меньше африканских, которые обыкновенно употребляются для перевозки тяжестей; но зато они преблагополучно кормятся в таких местах, где африканские голодают, и с легкой ношей отлично проходят по пяти миль в день, потому что они гораздо резвее и не так легко стирают себе копыта. Кроме того, наши быки исходили уже всю Южную Африку и потому были застрахованы от разных болезней, истребляющих целые стада при перемене места и корма.

Далее надо было разрешить важный вопрос насчет наших припасов и лекарств, что требовало самой величайшей заботливости, ибо невозможно было чересчур нагружать фуру, а вместе с тем необходимо взять с собой множество вещей. К счастью, оказалось, что Гуд кое-что

смыслит в медицине, так как, между прочим, умудрился каким-то образом прослушать курс медицины и хирургии и до сих пор до некоторой степени поддерживал свои знания. У него не было докторского звания, что не мешало ему знать побольше многих господ, которые преимущественно расписываются докторами медицины; впоследствии нам пришлось в этом убедиться на деле. У него была великолепная походная аптечка и целый набор инструментов. Пока еще мы были в Натале, он так ловко отрезал одному кафру большой палец на ноге, что просто весело было смотреть. Только ужасно он был озадачен, когда этот кафр, все время очень спокойно следивший за ходом операции, попросил приставить ему новый палец, прибавив, что в крайнем случае, пожалуй, годится и белый.

Когда с этими делами было покончено, нам осталось уладить еще два существенных вопроса: сколько и какое оружие с собой взять и какую прислугу. Насчет оружия мы могли быть спокойны, потому что сэр Генри навез из Англии всевозможных охотничьих двустволок, карабинов и револьверов, да у меня и своих довольно, так что оставалось только выбирать. Гораздо труднее было разрешить вопрос относительно прислуги. После долгих совещаний мы решили взять с собой пять человек, а именно кучера, проводника и троих слуг.

Кучера и проводника я нашел без особенных затруднений и нанял для этого двух зулусов, Госу и Тома; найти слуг оказалось гораздо труднее. Нам нужны были люди храбрые и такие, на которых можно было бы положиться вполне, потому что при наших обстоятельствах от их поведения могла зависеть наша жизнь. Наконец я приискал двух: во-первых, готтентота Вентфогеля, что по-голландски значит «птица ветра», и мальчика зулуса, Хиву, который имел за собой то преимущество, что превосходно говорил по-английски. Вентфогеля я знал уже давно; лучше его никто не умел выслеживать диких зверей на охоте, что я знал по опыту. Он был крепок, как струна, и совершенно неугомоним, но у него был один недостаток, свойственный его племени: пристрастие к выпивке. Если оставить его невзначай наедине с бутылкой – пиши пропало. Впрочем, для нас это было безразлично, потому что мы отправлялись за пределы всяких кабаков.

Заручившись этими двумя слугами, я никак не мог найти третьего подходящего человека, так что мы уже решили отправиться в путь без него в надежде, что по дороге авось кто-нибудь подвернется. Вдруг вечером накануне нашего отъезда зулус Хива пришел сказать мне, что какой-то человек желает меня видеть. В это время мы сидели за столом; тотчас после обеда я велел его впустить, и в комнату вошел высокий, красивый человек лет тридцати, с очень светлой кожей для зулуса. Он поднял свою узловатую палку в знак приветствия и уселся на корточках в углу, сохраняя полное молчание. Некоторое время я не обращал на него внимания; с зулусами иначе нельзя: если вы сразу вступите в разговор с зулусом, он непременно подумает, что вы человек незначительный и без всякого достоинства. Однако я сейчас же заметил, что он то, что называется **кешла**, – человек с обручем: на голове у него был черный обруч из клейкой полированной смолы, вплетенный в волосы; такой обруч зулусы обыкновенно носят по достижении известного возраста или в знак высокого сана.

– Ну, – сказал я наконец, – как тебя зовут?

– Омбопа, – отвечал незнакомец звучным, густым басом.

– Я уже видел тебя прежде.

– Да, инкоози (вождь) видел лицо мое в Изандлаване, накануне великой битвы.

Тут я все вспомнил. Я был одним из проводников лорда Чельмсфорда в злополучной войне с зулусами, и, на мое счастье, меня отправили из лагеря с несколькими фурами как раз накануне битвы. Дожидаюсь, пока запрягут быков, я разговорился с этим человеком, который командовал небольшим отрядом союзников-туземцев, и он выразил мне свои сомнения насчет безопасности лагеря. Тогда я отвечал ему, что не его дело об этом рассуждать, чтобы он представил это другим, поумнее его; но потом я невольно призадумался об его словах.

– Да, я помню, – сказал я. – Что же тебе нужно?

– Вот что, Макумацан (так меня зовут кафры, и значит это – **человек, что встает с полуночи**, то есть, говоря попросту, бдительный, бодрствующий), я слышал, что ты собираешься в далекий путь на север вместе с белыми вождями, приплывшими из-за великой воды. Правда это?

– Правда.

– Я слышал, что вы пойдете вплоть до самой реки Луканги – на целый месяц пути от земли Маника. Правда это, Макумацан?

– Зачем ты спрашиваешь, куда мы идем? Что тебе за дело? – спросил я с неудовольствием, памятуя, что цель нашего путешествия должна оставаться тайной для всех.

– Затем, о белые люди, что, если вы действительно собрались так далеко, я пойду вместе с вами!

В его манере говорить было какое-то величие; особенно меня поразило обращение «о белые люди». Обыкновенно зулусы зовут белых вождями – инкоози.

– Ты забываешься, – сказал я. – Ты не обдумал свои слова. Не так подобает тебе говорить с нами. Как твое имя и где твой крааль⁶? Поведай нам это, чтобы мы могли знать, с кем имеем дело.

– Меня зовут Омбопа. Я принадлежу к племени зулусов, но я не зулус. Родина моего племени на далеком севере: она осталась позади, когда зулусы спустились в здешние равнины тысячу лет тому назад, гораздо раньше, чем Чака царствовал в стране зулусов. У меня нет крааля. Я странствую многие годы. Я пришел с севера в страну зулусов, когда был еще ребенком. Я служил королю Сетивайо в отряде Нкомабакози. Я бежал из страны зулусов и пришел в Наталь, потому что хотел узнать, как живут белые люди. Потом сражался против Сетивайо. После работал в Натале. Теперь мне это наскучило, и я хочу снова идти на север. Здесь мне не место. Мне не нужно денег, но я силен и храбр и стою той пищи, которую ты мне дашь. Я сказал!

Этот человек положительно сбивал меня с толку своими речами. По всему было видно, что он говорит правду, но он был как-то не похож на обыкновенных зулусов, а его предложение отправиться с нами без всякого вознаграждения показалось мне несколько подозрительным. Не зная, как быть, я перевел его слова сэру Генри и капитану Гуду и спросил их, какого они мнения на этот счет. Сэр Генри сказал мне, чтобы я попросил его встать. Омбопа исполнил его желание и выпрямился во весь рост, причем его длинная воинская мантия спустилась с плеч, и он предстал пред нами почти совершенно нагой; на нем не было ничего, кроме широкого пояса (муча) и ожерелья из львиных зубов. При своем огромном росте он был вполне соразмерно широк в плечах и вообще великолепно сложен. При вечернем освещении кожа его казалась разве немножко темнее, чем у смуглого европейца; только местами чернели глубокие шрамы от ран. Сэр Генри подошел к нему и устремил пристальный взгляд на его гордое, прекрасное лицо.

– А они хорошо смотрятся рядом, не правда ли? – сказал Гуд. – И роста совсем одинакового.

– Ваша наружность мне нравится, мистер Омбопа, и я принимаю вас к себе на службу, – сказал сэр Генри по-английски.

По-видимому, Омбопа понял его слова, потому что он спокойно ответил по-зулусски:

– Хорошо. – И затем, оглядев богатырскую фигуру белого человека, прибавил: – Мы – мужчины, ты и я.

⁶ Крааль – деревня.

IV

Охота на слонов

Мы выехали из Дурбана в конце января и только к середине мая добрались до Ситанды и расположились лагерем около нее. По дороге с нами случилось много разнообразных приключений, но все такого рода, какие постоянно случаются со всяким африканским охотником, и потому, не желая удлинять свой рассказ, я не стану их здесь описывать, кроме только одного особенного случая.

В Ипиати, самой отдаленной торговой станции Матабельской земли (где, к слову сказать, царствует отъявленный негодяй, король Лобенгула), мы с превеликим сожалением расстались с нашей благоустроенной фурой. Из двадцати чудесных быков, купленных мной в Натале, у нас оставалось только двенадцать. Один погиб от укуса кобры (ядовитой змеи), трое околели от недостатка воды, один просто пропал, и трое остальных издохли, наевшись ядовитой травы, которая здесь зовется **тюльпанной**. От этой травы у нас заболели еще пять быков, но нам удалось их вылечить. Мы оставили фуру и быков на попечение Госы и Тома, оказавшихся очень надежными малыми, и, кроме того, попросили приглядеть за ними одного почтенного шотландца, поселившегося в этой глуши.

Затем мы отправились пешком в свое далекое странствие в сопровождении Омбопы, Хивы, Вентфогеля и полудюжины носильщиков, которых наняли тут же, на месте. Помнится, все мы были довольно молчаливы, когда тронулись в путь, и, вероятно, каждый размышлял о том, приведется ли ему когда-нибудь снова увидеть нашу фуру. Некоторое время мы шли молча, как вдруг Омбопа, открывавший наше шествие, затянул звучную зулусскую песнь о том, как несколько храбрых воинов, которым наскучила однообразная домашняя жизнь без приключений и подвигов, снарядились и пошли в великую пустыню, чтобы найти новую жизнь или умереть. И вдруг – о счастье! о радость! – когда они зашли далеко, далеко в пустыню, она оказалась совсем не пустыней, а напротив, то был чудный, невиданный край, где паслись тучные стада и плясали юные женщины, где было много диких зверей, на добычу охотникам, и много сильных врагов, на славу воинам.

Тут мы расхохотались и приняли это за добрый знак. Наш Омбопа был превеселый дикарь, хотя, конечно, по-своему, – как-то величаво-веселый. По временам на него находили припадки задумчивости, но вообще у него была удивительная способность поддерживать в нас хорошее расположение духа. Мы все очень его полюбили.

А теперь я доставлю себе удовольствие и расскажу вам одно наше охотничье приключение; это моя страсть: рассказывать об охоте.

Через две недели после того, как мы выступили из Иниати, пришли мы в необыкновенно красивую лесистую местность, обильно снабженную водой. Тут росли во множестве прекрасные махабеловые деревья, увешанные освежительными желтыми плодами с огромными косточками. Дерево это составляет любимую пищу слонов, и по всему было видно, что эти гиганты должны здесь водиться: нам часто попадались их свежие следы; во многих местах деревья были поломаны, а иногда и совсем выворочены с корнем. Слон питается очень разрушительным манером.

Выйдя на тропинку, извивавшуюся по высохшему руслу, мы неожиданно спугнули целое стадо высоких жирафов, которые ускакали своей странной иноходью, высоко задрав хвосты и звеня копытами, точно кастаньетами. Они были уже довольно далеко от нас, и по-настоящему – вне выстрела; но Гуд, который шел впереди всех и держал в руках скорострелку, заряженную пулей большого калибра, не утерпел, прицелился и выстрелил по молодой самке, бежавшей сзади всех. По какой-то совершенно необъяснимой случайности пуля угодила ей прямо в

затылок и перешибла позвонки, так что она кувыркнулась вниз головой, вверх ногами, точно кролик. В жизнь свою не видывал ничего подобного.

– Черт побери! – воскликнул Гуд. (К сожалению, в минуты волнения он имел привычку очень сильно выражаться; по всей вероятности, он привык к этому во время своих морских странствий.) – Черт возьми! Убил!

– У, Богван! – завопили кафры. – У! у!

Они прозвали Гуда Богван (стеклянный глаз) за его монокль.

– Ай да Богван! – подхватили мы с сэром Генри, и с этого дня репутация Гуда как отличного стрелка установилась раз навсегда, по крайней мере между кафрами. В сущности, он был плохой стрелок; но всякий раз, как ему случалось дать промах, мы смотрели на это сквозь пальцы, памятуя знаменитого жирафа.

Мы сейчас же отрядили несколько человек, чтобы снять с костей лучшее мясо убитого животного, а сами принялись устраивать себе **шерм** неподалеку от воды. Для этого обыкновенно нарубают как можно больше терновника и складывают его наподобие круглой изгороди; пространство, заключенное внутри, сглаживают и утаптывают и посередине устраивают настилку из сухой травы для спанья, разумеется, если можно ее достать. Кругом зажигают костры. К тому времени, как мы кончили свой **шерм**, взошла луна и поспел наш обед, состоявший из жареного мяса и мозговых костей жирафа. Грызть эти кости было делом не легким, но с каким удовольствием мы их смаковали! По-моему, только слоновое сердце вкуснее мозгов жирафа; это сердце нам посчастливилось есть на другой же день. Мы с аппетитом уничтожили свою несложную трапезу при свете полной луны и несколько раз принимались благодарить Гуда за его удивительный выстрел. Потом принялись курить и болтать друг с другом. Должно быть, мы представляли собой довольно-таки странное зрелище, сидя вокруг нашего костра. Я с короткими седеющими волосами, вечно стоявшими дыбом на голове, конечно, составлял разительный контраст с сэром Генри, у которого уже порядочно отросли его золотистые кудри, тем более что я человек худощавый, невысокий и смуглый, а сэр Генри высок, плотен и очень белокур. Но если принять во внимание все обстоятельства дела, то, разумеется, самое удивительное зрелище из всех нас представлял собой капитан флота ее величества Джон Гуд. Он восседал на кожаном чемодане и имел такой вид, как будто только что успел вернуться с благоустроенной охоты в цивилизованной стране, – такой чистенький, прибранный и прекрасно одетый. На нем были коричневый охотничий костюм, такая же шляпа и щегольские штiblеты. Выбрит он был, по обыкновению, прекрасно; его стеклышко и вставные зубы блестели в образцовом порядке; и вообще, то был самый щеголеватый и опрятный господин, с каким мне когда-либо приходилось иметь дело в пустыне. У него были даже белоснежные воротнички из гуттаперчи, и не одна перемена!

– Ведь их совсем не тяжело носить, – сказал он мне в простоте душевной, когда я выразил ему мое удивление по этому поводу. – А я люблю, чтобы на мне было все как следует.

Так вот мы сидели тут и болтали при чудном лунном свете, поглядывая на кафров, которые расположились недалеко от нас и сосали свою опьяняющую **дакчу** из роговых трубок. Наконец они стали укладываться спать и один за другим завернулись в свои одеяла и улеглись вокруг костра. Только Омбопа сидел несколько поодаль, опершись головой на руку, погруженный в глубокое раздумье. Я заметил, что он никогда не водил компании с остальными кафрами.

Вдруг из чащи кустарников, расстилавшейся позади нас, раздалось громкое, протяжное рыканье: «Ууф! Ууф!»

– Лев! – воскликнул я.

Мы вскочили и стали прислушиваться. Не успели мы встать, как у водопоя, в шагах от нас, послышался пронзительный, трубный рев слона. «Ункунгунклово! Ункунгунклово!» (Слон! Слон!) – зашептали и заволновались кафры, и через несколько минут мы увидели целую вереницу огромных темных силуэтов, которые медленно двигались по направле-

нию к чаше. Гуд вскочил как сумасшедший, обуреваемый жадной истребления; кажется, он воображал, что убьет слона с такой же легкостью, как подстрелил своего жирафа. Но я схватил его за руку и удержал на месте.

– Это ни к чему не приведет, – сказал я. – Пусть себе уходят.

– Да тут настоящий рай для охотника! Не остаться ли нам здесь денька на два, чтобы поохотиться? – предложил сэр Генри.

Это меня удивило, так как до сих пор сэр Генри только и делал, что торопил нас идти как можно скорее, особенно с той поры, как мы достоверно узнали в Иниати, что два года тому назад некий англичанин, по имени Невилл, действительно продал там свою фуру и отправился дальше. Вероятно, охотничьи наклонности сэра Генри на этот раз пересилили все остальные соображения.

Гуд с радостью ухватился за эту мысль, потому что ему ужасно хотелось пострелять слонов, да и мне также, по правде сказать; упустить такое стадо без единого выстрела было положительно против моей совести.

– Ладно, други сердечные, – сказал я. – Мне кажется, что нам не мешает немножко поразвлечься. А теперь пойдемте-ка спать: завтра нам надо быть на ногах чуть свет и тогда мы авось застанем слонов на корму, прежде чем они соберутся уйти подальше.

Все согласились, и мы пошли укладываться спать. Гуд снял верхнее платье, встряхнул его хорошенько, спрятал зубы и стеклышко в карман панталон, аккуратно все это сложил и прикрыл на ночь краешком своей прорезиненной простыни, чтобы не отсырело от росы. Мы с сэром Генри удовольствовались менее сложными приготовлениями и, завернувшись в свои одеяла, заснули тем спокойным, глубоким сном без всяких сновидений, который достается путешественнику в награду за дневные труды и лишения.

Вдруг нас всех разбудило что-то необычайное. Но что это было?

Со стороны водооя внезапно раздавался шум; было очевидно, что там происходит отчаянная борьба; еще минута – и нас положительно оглушили страшные, громовые рыканья. Ошибиться было невозможно: только лев может рычать таким образом. Мы все вскочили и уставились в ту сторону, откуда раздавался шум, по направлению к воде. Тут мы увидели какую-то непонятную, черно-желтую массу, которая вся сотрясалась и двигалась прямо на нас. Мы схватили карабины и, неслышно скользя на своих фельдтшоонах (полевые лапти из невыделанной кожи), выскочили из шерма и побежали. Между тем странная масса повалилась и с ожесточением каталась по земле, когда же мы к ней подошли, она уже не двигалась и лежала совершенно смирно.

И вот что оказалось: на траве лежал самец сабельной антилопы – самой красивой из всех африканских антилоп, – совершенно мертвый, и тут же великолепный черногривый лев, пронзенный насквозь ее огромными загнутыми рогами, также мертвый. Очевидно, произошло следующее: сабельная антилопа пришла напиться к водою, где уже ждал в засаде лев, вероятно тот самый, которого мы слышали с вечера. Пока антилопа пила, лев сорвался с места и прыгнул к ней на спину, но она приняла его на свои острые рога и проколола насквозь. Однажды я уже видел подобный случай. Лев, конечно, никак не мог высвободиться и все время терзал и кусал спину и шею несчастной антилопы, которая обезумела от боли и ужаса и рвалась вперед до тех пор, пока не упала мертвая.

Насмотревшись вдоволь на мертвых зверей, мы соединенными силами кое-как притащили их к своему шерму. Потом уже окончательно улеглись и проспали до рассвета.

Мы поднялись чуть свет и стали собираться на охоту; взяли с собой три карабина самого крупного калибра, порядочное количество зарядов и большие походные фляжки, наполненные жидким холодным чаем; я знаю по опыту, что нет ничего лучше этого напитка во время охоты.

Нетрудно нам было напасть на широкую тропу, проложенную слонами. Вентфогель внимательно осмотрел ее и объявил, что, судя по следам, в стаде должно быть от двадцати до

тридцати слонов, большей частью взрослых самцов. Но за ночь они успели уйти довольно далеко, так что было уже девять часов утра и солнце сильно пекло, когда мы наконец увидели, что они должны быть где-нибудь поблизости, судя по изломанным деревьям, оборванным листьям и коре. И в самом деле, вскоре мы заметили все стадо, состоявшее из двадцати-тридцати больших слонов, как сказал Вентфогель. По-видимому, они только что окончили свою утреннюю трапезу и спокойно стояли в небольшой ложине, слегка похлопывая своими огромными ушами. Это было великолепное зрелище.

Слоны находились шагов за двести от нас. Я взял горсть сухой травы и бросил ее на воздух, чтобы посмотреть, откуда дует ветер, зная по опыту, что, если они почуют нас по ветру, все пропало: уйдут, прежде чем мы успеем хоть раз выстрелить. Оказалось, что ветер – какой ни на есть – дует от слонов к нам, так что мы осторожно поползли крадучись в высокой траве и, благодаря этому прикрытию, приблизились к огромным животным шагов на сорок. Как раз против нас, боком и, следовательно, во всю свою длину, стояли три великолепных слона; у одного из них были огромные бивни. Я шепнул моим спутникам, что буду стрелять в среднего, сэр Генри прицелился в крайнего левого, а Гуду достался самец с огромными бивнями.

– Пора! – скомандовал я потихоньку.

Бум! Бум! Бум! – выпалили один за другим наши тяжелые карабины, и слон, намеченный сэром Генри, повалился как сноп на землю мертвым: пуля угодила ему в самое сердце. Мой слон упал на колени, и я уже думал, что ему пришел конец, как вдруг он вскочил и бросился бежать как раз мимо меня. Я всадил ему еще одну пулю в ребра, и на этот раз он упал совсем. Тогда я поспешно зарядил карабин двумя новыми патронами, подбежал к нему и прекратил страдания бедного животного, пустив ему пулю в упор прямо в голову. Затем повернул к Гуду, чтобы посмотреть, как он справился со своим огромным слоном; я слышал, как тот вопил от боли и ярости, пока я добивал своего. Подойдя к капитану, я застал его в самом возбужденном состоянии. Оказалось, что после первого выстрела слон бросился прямо на охотника, который едва успел отскочить в сторону, после чего разъяренное животное бешено промчалось дальше, по направлению к нашему лагерю.

Между тем остальное стадо удирало с громом и треском в другую сторону, обуреваемое диким ужасом.

С минуту мы совещались о том, что нам делать: отправиться ли по следам раненого слона или преследовать стадо. Наконец мы решились на последнее и тронулись в путь, думая, что слона с большими бивнями нам больше не видать как своих ушей. С тех пор я пожалел не один раз о том, что этого не случилось. Преследовать слонов было необыкновенно удобно, потому что они оставляли за собой такую широкую дорогу, что хоть в карете поезжай, и в своем безумном бегстве примяли и растоптали кустарники, точно легкую траву **тамбуки**. Но угнаться за ними было не так-то легко, и, прежде чем мы их опять нашли, нам пришлось тащиться два часа с лишним под палящим солнцем. Все слоны, кроме одного, сбились в кучу, и сейчас было заметно по их беспокойному виду и по тому, как они поднимали хобот и нюхали воздух, что они настороже и чувствуют недоброе. Одинокий слон стоял по сю сторону стада, шагов за пятьдесят от него, и, очевидно, сторожил. От нас он был немного дальше, чем от своих. Рассудив, что он легко может нас увидеть или почуять по ветру и спугнуть всю остальную компанию, если мы попробуем подойти ближе (тем более что место было довольно открытое), мы прицелились в него втроем и выстрелили все разом.

Все три заряда попали в цель, и грозное животное замертво рухнуло наземь. Тогда стадо снова обратилось в бегство, но, на беду, ему встретилось **нуллах**, то есть высохшее ложе ручья с очень крутыми берегами, местоположение, очень похожее на то, в котором убили принца⁷ в стране зулусов.

⁷ Принц Луи, сын Наполеона III, был убит в Африке в войне англичан против зулусов.

Сюда-то и устремились злополучные слоны, так что, когда мы подошли к краю обрыва, мы застали их в неопишемом смятении: они тщетно карабкались на противоположный берег, наполняли воздух дикими криками, трубили, ревели и нещадно толкали друг дружку, в эгоистическом стремлении спастись в ущерб ближним – точь-в-точь как люди. Теперь мы могли пострелять в свое удовольствие и принялись палить вразупуски кто во что горазд. Мы убили пять слонов и перестреляли бы, вероятно, все стадо, если бы они вдруг не перестали карабкаться на тот берег и не догадались бежать прямо вдоль ложа ручья. Мы так устали, что решились их не преследовать; к тому же нам опротивела эта бойня: кажется, довольно было восьми слонов на один день. Итак, после того как мы немножко отдохнули, а кафры вырезали два слоновых сердца нам на ужин, мы отправились восвояси, очень довольные собой, и решили прислать сюда на другой день носильщиков, чтобы вырезать слоновьи бивни.

Вскоре после того, как мы прошли то место, где Гуд ранил своего патриарха, нам попалось навстречу стадо ланей, по которым мы, впрочем, не стреляли, так как у нас и без того было довольно мяса. Они пронеслись мимо нас и остановились за небольшой рощицей, откуда стали нас разглядывать. Гуд, никогда не видевший их вблизи, непременно захотел посмотреть на них поближе. Он отдал свой карабин Омбопе и отправился в рощицу в сопровождении Хивы. А мы уселись отдыхать в ожидании его возвращения, очень довольные этим предложением.

Как раз в эту минуту солнце стало садиться в полном блеске своих багряных лучей, и мы с сэром Генри любовались этим восхитительным зрелищем, как вдруг раздался рев слона, и на фоне пламенно-багрового солнечного диска вырезался перед нами его гигантский силуэт с поднятыми вверх хоботом и хвостом. Еще секунда – и нам предстало новое зрелище, а именно Гуд и Хива, бегущие к нам во всю прыть и преследуемые раненым слоном: это был тот самый. Сначала мы не решились стрелять (да оно бы ни к чему и не привело на таком расстоянии), опасаясь, что попадем в одного из них; а затем произошло нечто ужасное. Гуд пал жертвой своего щегольства – пристрастия к европейской одежде. Если бы он решил расстаться со своими узкими панталонами и гетрами, как сделали мы, и охотиться просто во фланелевой рубашке и полевых лаптях, все обошлось бы благополучно; но теперь тесные панталоны только затрудняли его отчаянное бегство, и в довершение всего шагах в шестидесяти от нас он поскользнулся из-за своих дурацких ботинок со скользкими, отполированными травой подошвами, и растянулся на траве как раз перед самым слоном.

У нас просто дух захватило от ужаса: мы знали, что он сейчас умрет, и бросились к нему что было силы. В три секунды все было кончено, но совсем не так, как мы думали. Храбрый Хива видел, как упал его господин, и в одну минуту обернулся и со всего размаху бросил свой **ассегай** (род кинжала) прямо в голову слона. Кинжал вонзился в хобот.

От боли зверь испустил яростный рев, схватил несчастного зулуса, ударил его оземь и, наступив своей огромной ногой ему на грудь, обвил хоботом нижнюю часть его тела и разодрал его надвое. Мы бросились к нему, почти обезумев от ужаса, и принялись палить в слона как попало, пока он не повалился рядом с останками несчастного зулуса. Что до Гуда, он сейчас же вскочил и в отчаянии ломал руки над телом отважного мальчика, который пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти его. Даже я почувствовал, что мне точно что-то сдавило горло; а уж кажется, человек бывалый. Омбопа стоял и созерцал огромный труп мертвого слона и изуродованные останки бедного Хивы.

– Что ж, – произнес он наконец, – он мертв; но зато он умер как мужчина!

V

Наше путешествие в пустыне

Мы убили девять слонов, и нам пришлось употребить два дня, чтобы вырезать бивни, перетащить их на место и тщательно закопать в песок под огромным деревом, которое было заметно издали на несколько миль в округности. Это была удивительно богатая добыча слоновой кости. Я такой просто не припомню, если сообразить, что каждый клык весил средним числом от сорока до пятидесяти фунтов. Насколько мы могли судить, одна пара клыков того великана, который убил бедного Хиву, весила около ста семидесяти фунтов.

Что касается самого Хивы, мы зарыли то, что от него осталось, в норе муравья и, по обычаю, положили с ним ассегай, чтобы ему не пришлось оставаться безоружным на пути в лучший мир. На третий день мы отправились дальше в надежде, что когда-нибудь вернемся и откопаем свою слоновую кость. После длинного, утомительного путешествия и целого ряда приключений, которых не сто́ит описывать, мы добрались в свое время до селения Ситанда-Крааль, настоящего исходного пункта нашей экспедиции, расположенного вблизи реки Луканги. Как сейчас помню наше прибытие в это место. Направо виднелись разбросанные хижины туземцев, несколько каменных лачуг для скота и ниже, у самой воды, полоски обработанной земли, на которой эти дикари высевают свои скудные запасы зернового хлеба. За рекой расстилались обширные луга, поросшие высокой травой. Налево лежала широкая пустыня. Казалось, что селение стоит на самой границе плодородной местности, занимая последний клочок удобной земли. Под самым местом нашей стоянки протекал небольшой ручеек, а за ним возвышалась каменистая покатость, та самая, на которую карабкался бедный дон Хосе Сильвестра двадцать лет тому назад, вернувшись после своих бесплодных попыток проникнуть в Соломоновы копи.

За этой покатостью начиналась безводная пустыня, поросшая каким-то дрянным кустарником.

Когда мы разбили лагерь, вечер уже приближался, и огромный огненный шар солнца склонялся в пустыню, наполняя все ее неизмеримое пространство разноцветными огнями лучей. Предоставив Гуду распорядиться устройством нашего маленького бивака, я позвал с собой сэра Генри, и мы взойшли на вершину каменистого склона, который поднимался против нас, и остановились, обозревая пустыню. Воздух был очень чист и прозрачен, и на горизонте далеко-далеко от нас можно было различить туманные голубые очертания великих Сулимановых гор, увенчанных снегами.

– Смотрите, – сказал я, – вон они, эти неприступные стены, которые окружают Соломоновы копи. Кто знает, приведется ли нам когда-нибудь взобраться на них!

– Верно, мой брат уже там, а если он там, то и я как-нибудь до него доберусь, – сказал сэр Генри с той спокойной уверенностью, которая всегда его отличала.

– Надеюсь, что так, – отвечал я и уже повернулся было, чтобы идти назад в лагерь, как вдруг заметил, что мы не одни. За нами стоял величавый зулус, Омбопа, и так же пристально смотрел на далекие горы.

Видя, что я его заметил, он заговорил, но при этом обратился к сэру Генри, к которому он очень привязался.

– Так это та страна, куда ты стремишься, Инкубу (на туземном языке это значит, кажется, **слон**, – так прозвали кафры сэра Генри), – сказал он, указывая на далекие горы своим широким ассегаем.

Я строго спросил его, как он смеет так бесцеремонно обращаться к своему господину. Конечно, между собой эти проклятые туземцы вольны выдумывать какие угодно клички, но

величать человека прямо в глаза этими дурацкими прозвищами уж совсем не подобает. Зулус засмеялся спокойным, тихим смехом, который меня ужасно взбесил.

– А откуда ты знаешь, что я не равный вождю, которому служу? – сказал он. – Конечно, он царского рода; это видно по его росту и взгляду; но ведь и я, может быть, тоже не простой человек. Будь моим языком, о Макумацан, и говори мои слова Инкубу, моему господину: я хочу беседовать с ним и с тобой.

Я был на него ужасно сердит, так как совсем не привык, чтобы кафры обращались ко мне подобным образом. Но сам не знаю почему, я испытывал к нему симпатию, и, кроме того, мне было интересно знать, что он хочет сказать; а потому я перевел его слова, прибавив, что, по моему, он ужасный нахал и что дерзость его возмутительна.

– Да, Омбопа, – отвечал сэр Генри, – я иду именно туда.

– Пустыня пространна и безводна, горы высоки и одеты снегом; ни один человек не может сказать, что там, за тем местом, куда село солнце; как же ты туда пойдешь, о Инкубу, и зачем ты туда идешь?

Я опять перевел его слова.

– Скажите ему, – отвечал сэр Генри, – что я туда иду потому, что уверен, что мой родной брат, человек одной со мной крови, ушел туда прежде меня, и теперь я иду его искать.

– Это правда, Инкубу: человек, которого я встретил по дороге, сказал мне, что два года тому назад один белый ушел в пустыню к тем далеким горам вместе со слугой-охотником. И с тех пор они не возвращались.

– Откуда ты знаешь, что то был мой брат? – воскликнул сэр Генри.

– Сам я этого не знаю. Но когда я спросил того, кто мне сказал, какого вида был белый человек, он отвечал мне, что у него были твои глаза и черная борода. Еще он сказал, что охотника, бывшего с ним, звали Джимом, что он был из племени бекуана и покрыт одеждой.

– Тут не может быть никакого сомнения, – подтвердил я. – Я сам хорошо знал Джима.

Сэр Генри кивнул.

– Я был в этом уверен, – сказал он. – Уж если Джорджзаберет себе что-нибудь в голову, он непременно это сделает. Он был с самого детства упрям и настойчив. Если он забрал себе в голову перейти Сулимановы горы, так он их перешел, если только его не постигло какое-нибудь несчастье. Мы должны искать его по ту сторону гор.

Омбопа понимал по-английски, но сам почему-то говорил на этом языке редко.

– Это далеко, Инкубу, – заметил он.

Я перевел его замечание.

– Да, – отвечал сэр Генри, – далеко. Но нет на свете такого далекого пути, которого человек не мог бы пройти, если он положил на это всю свою душу. Когда великое чувство любви руководит человеком, когда он не дорожит своей жизнью и готов ежеминутно ее лишиться, тогда нет ничего такого, Омбопа, чего бы он не мог совершить: нет для него ни гор непреодолимых, ни пустынь непроходимых, кроме той неведомой пустыни и тех таинственных высот, которых никому не дано узнать при жизни.

Я перевел.

– Великие слова, о отец мой! – отвечал зулус (я всегда называл его зулусом, хотя по-настоящему он вовсе не был зулусом). – Великие, высоко царящие слова, достойные наполнять уста мужчины! Ты прав, отец мой Инкубу. Скажи мне, что есть жизнь? Жизнь – легкое перо, жизнь – ничтожное семечко полевой былинки: ветер носит его во все стороны, оно размножается и при этом умирает или уносится в небеса. Но если семечко хорошее и тяжелое, оно еще может странствовать. Хорошо странствовать по назначенному пути и бороться со встречным ветром. Всякий человек должен умереть. В худшем случае он может умереть только немного раньше. Я пойду через пустыню вместе с тобой, пойду через горы, если только смерть не скосит меня на пути, мой отец!

Он умолк на минуту и потом продолжал в порыве того странного красноречия, которое по временам находит на зулусов и доказывает, что это племя отнюдь не лишено интеллектуальных способностей и поэтического чутья:

– Что такое жизнь? Отвечайте, о белые люди! Вы – премудрые, вы, которым ведомы тайны Вселенной, тайны звездного и надзвездного мира! Вы, которые устремляете ваши слова без голоса в дальние пространства, откройте мне тайну жизни, отвечайте мне, откуда она берется и куда исчезает? Вы не можете отвечать, вы не знаете. Слушайте, я скажу вам! Из тьмы мы берем начало, и в тьму мы снова уходим. Как птица, увлеченная бурным вихрем в ночную пору, мы вылетаем из ничего; на минуту наши крылья промелькнут при свете костра, и вот мы снова устремлены в ничто. Жизнь – ничто. Жизнь – все. Это – рука, которой мы отстраняем смерть; это – светляк, который светится во время ночи и потухает утром; это – пар от дыхания; это – малая тень, что бежит по траве и пропадает с солнечным закатом!

– Станный вы человек, – сказал сэра Генри, когда он перестал говорить.

Омбопа засмеялся:

– Мне кажется, что мы с тобой очень похожи, Инкубу. Может быть, и я ищу брата по ту сторону гор.

Я посмотрел на него довольно подозрительно.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил я. – Что ты знаешь об этих горах?

– Очень мало знаю. Там есть чуждая страна, страна волшебных чар и чудных тайн; страна храбрых людей, деревьев, потоков, белоснежных гор и великой белой дороги. Я слышал об этом прежде. Но к чему говорить? Уже темнеет. Кто доживет – увидит!

Я опять покосился на него недоверчиво. Он положительно знал слишком много.

– Тебе нечего меня опасаться, Макумацан, – сказал он, отвечая на мой взгляд. – Я вам не рою яму. Я ничего против вас не замышляю. Если мы когда-нибудь перейдем за эти горы, по ту сторону солнца, я скажу все, что знаю. Но смерть бодрствует на этих горах. Будь мудр и вернись назад. Ступай и убивай слонов. Я сказал!

И, не прибавив ни единого слова, он поднял копьё в знак приветствия и пошел назад в лагерь, где мы нашли его вскоре после того. Он сидел и преспокойно чистил ружье, как всякий другой кафр.

– Вот странный человек, – сказал сэра Генри.

– Да, – отвечал я, – даже чересчур странный. Не нравятся мне его странности. Он положительно что-то знает, да только не хочет сказать. Но ссориться с ним не сто́ит. Странствие наше такое диковинное, что таинственный зулус ему только под стать.

На другой день мы сделали все необходимые приготовления к походу. Конечно, невозможно было тащить с собой через пустыню тяжелые карабины и тому подобную кладь, так что мы рассчитали своих носильщиков и поручили хранить вещи до нашего возвращения одному старому туземцу, у которого был крааль поблизости. Мне было очень жалко оставлять такую драгоценность, как наше милое оружие, на благоусмотрение старого вороватого плута, у которого просто глаза разгорелись от жадности при виде его. Впрочем, я принял разные предосторожности.

Во-первых, зарядил все карабины и сообщил ему, что, если он посмеет до них дотронуться, они непременно выстрелят. Он сейчас же произвел эксперимент над моим карабином, и, конечно, тот выпалил и пробил дырку в одном из его собственных быков, которых, как нарочно, только что пригнали в крааль, не говоря уже о том, что и сам старый болван кувыркнулся вверх ногами, когда ружье отдало назад. Он вскочил как ужаленный, весьма недовольный потерей быка, за которого имел наглость тут же просить у меня вознаграждение. Он уверял, что теперь ни за что на свете не дотронется до ружей.

– Положи живых дьяволов куда-нибудь подальше, на жниво, – сказал он, – а не то они убьют нас всех!

Затем я объявил ему, что если мы по возвращении недосчитаемся хоть одной из этих штук, я непременно убью своим колдовством и его самого, и всех его домашних, а в случае нашей смерти, если он осмелится их украсть, я явлюсь с того света, буду мерещиться ему дено и ночью, приведу его скот в бешенство, так что жизнь его превратится в настоящее мучение, да еще, кроме того, заставлю всех чертей, сидящих в карабинах, вылезти оттуда и побеседовать с ним так, что ему будет очень несладко. После этого он поклялся, что будет хранить наши вещи, как дух своего родного отца. Он был пресуеверный старый кафр и вместе с тем большой негодай.

Поместив таким образом излишнюю поклажу, мы отобрали те пожитки, которые нужно было нести с собой нам пятерым, то есть сэру Генри, Гуду, мне, Омбопе и готтентоту Вентфогелю. Их было немного, но что мы ни делали, как ни старались, все же на каждого из нас приходилось около сорока фунтов. Всего-навсего с нами было пять скорострельных ружей, три револьвера, патроны, пять больших фляжек для воды, пять одеял, двадцать пять фунтов бильтонга (вяленной на солнце дичины), десять фунтов разных бус для подарков, аптечка, состоявшая из самых необходимых лекарств, включая хинин и два-три хирургических инструмента, наши ножи, разная мелочь, то есть компас, спички, маленький карманный фильтр, табак, лопаточка, бутылка водки и, наконец, то платье, что было на нас.

В этом заключалось все наше снаряжение. Право, это было очень немного для такого дальнего пути, но брать с собой больше мы не решились.

С величайшим трудом удалось мне уговорить троих туземцев из деревни пройти с нами первую станцию, всего двадцать миль, и снести по большому меху с водой, за что я обещал подарить им по хорошему охотничьему ножу. Мне хотелось возобновить воду в наших походных фляжках после первого ночного перехода, так как мы решились тронуться в путь, пользуясь ночной прохладой. Туземцам я объяснил, что мы отправляемся на охоту за страусами, которыми изобилвала пустыня. Они долго тараторили и пожимали плечами, уверяя, что мы сумасшедшие и непременно умрем от жажды, что, впрочем, было довольно вероятно; но так как им страстно хотелось получить ножи (роскошь, почти невиданная в этой глуши), то они и согласились идти с нами, рассудив, что, в конце концов, наша гибель совершенно их не касается.

Весь следующий день напролет мы спали и отдыхали, а на закате плотно поели свежего мяса и запили его чаем, причем Гуд печально заметил, что, по всей вероятности, теперь нам очень долго не придется его пить. Затем мы окончательно снарядились в путь и легли, ожидая, когда взойдет луна. Наконец часам к девяти она поднялась во всей своей красе, проливая серебряный свет на дикую окрестность и озаряя таинственным сиянием все неизмеримое пространство убегающей вдаль пустыни, столь же торжественной и спокойной, столь же чуждой человеку, как и усеянный звездами небосклон. Мы встали и были готовы в несколько минут, но все еще медлили, как свойственно медлить человеку на пороге невозвратного. Мы, трое белых, остановились поодаль от остальных. Немного впереди, за несколько шагов от нас, стоял Омбопа со своим ассегаем в руках и ружьем за плечами и не спускал глаз с пустыни; три туземца с мехами воды и Вентфогель собрались вместе позади нас.

– Господа, – заговорил сэр Генри своим звучным, густым басом, – мы с вами отправляемся в самое удивительное путешествие, какое только может предпринять человек на земле. Едва ли мы воротимся назад. Но каково бы нам ни пришлось, мы трое готовы стоять друг за друга до самого конца.

– Да, да! – в один голос воскликнули Гуд и я.

Нам нечем было руководствоваться в своем путешествии, кроме отдаленных гор да карты старого Хосе да Сильвестры, на которую не особенно можно было положиться, если сообразить, что ее чертил умирающий и полусумасшедший человек на лоскутке холстины три столетия тому назад. А между тем на ней основывалась наша единственная надежда на успех.

По всем вероятностям, нам предстояло неминуемо погибнуть от жажды, если мы не найдем того маленького водоема, который старик Сильвестра обозначил у себя на карте как раз посредине пустыни, милях в шестидесяти от нашего исходного пункта и в таком же расстоянии от гор. Между тем, на мой взгляд, у нас было очень мало шансов отыскать эту воду среди целого моря песков и кустарников. Если даже предположить, что Сильвестра совершенно точно обозначил местонахождение водоема, разве не могло случиться, что его давным-давно высушило солнце, затоптали дикие звери и занесли сыпучие пески пустыни?

Безмолвно, как тени, двигались мы в ночной темноте по глубокому песку. Колючие кустарники цеплялись за ноги и замедляли наш путь; песок набирался в сапоги в таком количестве, что мы принуждены были постоянно останавливаться и вытряхивать его. Атмосфера была тяжелая и душливая. Несмотря на это, ночь была настолько прохладна, что придавала воздуху особенную мягкость, и мы довольно быстро подвигались вперед. Кругом было необыкновенно тихо и пустынно, даже слишком.

Гуд начал было насвистывать какую-то веселую песенку, но она так странно зазвучала среди этой необозримой равнины, что он тотчас же бросил. Вскоре случилось маленькое происшествие, которое очень всех насмешило, хоть и заставило нас потерять какое-то время. Гуд, как носитель компаса, с которым, будучи моряком, он, конечно, умел обращаться лучше нас всех, шел впереди, а мы плелись за ним длинной вереницей. Вдруг он громко вскрикнул и исчез. Затем раздались какие-то необычайные звуки: храпение, визг, топот убегающих ног, словом – шум невообразимый. Сквозь ночной сумрак мы насилу могли различить несколько темных убегающих фигур, еле заметных среди песчаных холмиков. Наши туземцы побросали свою ношу и вознамерились попрятаться, но, вспомнив, что спрятаться некуда, повалились на землю и принялись вопить, что это черт. Мы с сэром Генри остановились в величайшем изумлении; наше изумление несколько не уменьшилось, когда мы увидели фигуру Гуда, скачущего во всю прыть по направлению к горам: он скакал, как будто верхом на лошади, и гикал как сумасшедший. Немного погодя он высоко взмахнул руками и так громко шлепнулся на землю, что даже нам было слышно. Тут я наконец сообразил, что случилось: в темноте мы наткнулись на стадо спящих **квэгг** (тигровых лошадей), и Гуд угодил прямо на спину одной из них, причем она, конечно, вскочила и ускакала вместе с ним, что опять-таки довольно естественно. Я закричал остальным, что все благополучно, и побежал к Гуду, сильно опасаясь, что он ушибся. Но, к моему величайшему облегчению, я нашел его преспокойно сидящим на песке, причем даже его стеклышко незыблемо торчало в глазу. Конечно, его таки порядочно встряхнуло; но он был только ошеломлен и не ушибся нимало.

После того мы продолжали свое путешествие без всяких дальнейших неприятностей приблизительно до часу ночи. Тут мы остановились, выпили понемножку воды (ведь теперь она была для нас величайшей драгоценностью) и, отдохнув с полчаса, пошли дальше.

Мы шли, покуда наконец восток не подернулся нежным румянцем, точно личико девушки. Вот показались бледные лучи розового света, мало-помалу превратившиеся в золотые полосы, по которым проскользнул рассвет в широкую пустыню. Звезды становились все бледнее и бледнее и наконец пропали совсем; побледнела золотая луна, и горные цепи ясно выступили и обозначились на ее потускневшем диске, как обозначаются кости на лице умирающего; потом загорелись одни за другими ослепительные лучи и, точно сияющие копья, устремились далеко-далеко в недра беспредельной равнины, вонзаясь в ее туманный покров, пронизывая и воспламеняя его ярким светом; вся пустыня облеклась трепетным золотым сиянием, и день настал.

А мы все шли не останавливаясь, хоть и рады были отдохнуть немножко, потому что знали, что когда солнце поднимется выше, идти дальше будет невозможно.

Наконец часам к шести мы заметили небольшую группу скал, поднимавшихся над равниной, и поплелись к ним. На наше счастье, одна из этих скал так сильно выдавалась своей

вершиной, что образовала род навеса, под которым мы нашли превосходное убежище от зноя. Мы сейчас же туда залезли, напились воды, поели бильтонга, улеглись и скоро крепко заснули.

Когда мы проснулись, было уже три часа пополудни, и наши носильщики собирались в обратный путь. Они уже достаточно насладились пустыней и ни за какие ножи в мире не пошли бы дальше. А потому мы напились вволю и, опорожнив таким образом свои походные фляжки, наполнили их водой из мехов, принесенных туземцами, после чего отпустили их домой.

В половине четвертого тронулись и мы. Печально и безотрадно было кругом: ни одного живого существа, кроме нескольких страусов, не виднелось на всем протяжении обширной песчаной равнины. Очевидно, для зверей было слишком сухо, а из пресмыкающихся нам попались только две-три смертоносные кобры. Из насекомых здесь водились только мухи, обыкновенные комнатные, но зато они здесь встречались «не одинокими соглядатаями, а целыми летучими отрядами», как сказано где-то в Библии. Удивительное создание эта обыкновенная муха! Вы встретите ее везде, куда ни пойдете, и, должно быть, это всегда так было. Я видел их в кусках янтаря, которому, как мне сказали, могло быть чуть ли не пятьсот тысяч лет, и они были точно такие же, как современные мухи. Я почти не сомневаюсь, что они будут жужжать вокруг последнего человека, когда он станет умирать, если это случится летом, и будут кружиться над ним, ожидая удобного случая, чтобы сесть ему на нос.

На закате мы остановились, поджидая луны. Она взошла в десять часов, спокойная и прекрасная, как всегда; мы пошли дальше и, отдохнув всего только раз, около двух часов ночи, тащились всю ночь напролет, пока благодатное солнце не прекратило на время нашего мучения. Мы выпили немного воды и, совершенно измученные, растянулись на песке и скоро заснули. Оставлять кого-нибудь на страже не было никакой надобности, потому что в этой необитаемой пустыне совершенно некого и нечего было опасаться. Нашими единственными врагами были зной, жажда и мухи; но, право, я предпочел бы иметь дело с какой угодно опасностью, исходящей от зверя или человека, чем с этой ужасной троицей. На этот раз нам не удалось найти никакого гостеприимного утеса, который бы мог защитить нас от солнца, и потому около семи часов утра мы все проснулись, ощущая приблизительно то же самое, что должен испытывать кусок бифштекса, поджариваемый на сковороде. Нас пропекало положительно насквозь. Казалось, что палящее солнце вытягивает из нас всю кровь. Мы сели и перевели дух.

– Ну вас! – воскликнул я, отгоняя целый рой мух, которые весело жужжали вокруг моей головы. Они нисколько не страдали от жары...

– Могу сказать!.. – проговорил сэр Генри.

– Да, жарко! – отозвался Гуд.

Действительно, было ужасно жарко и совершенно некуда было укрыться от жары. Куда ни глянь – нигде ни утеса, ни деревца; всюду одно бесконечное пекло и страшный блеск, тем более раздражающий зрение, что горячий воздух все время дрожал и колебался над поверхностью пустыни, как над докрасна раскаленной плитой.

– Что бы такое сделать? – воскликнул сэр Генри. – Ведь этого невозможно долго выдержать!

Мы смущенно переглянулись.

– Вот что, – сказал Гуд. – Надо вырыть яму поглубже, влезть в нее и накрыться ветками **кару** (кустарника).

Это было не особенно заманчиво, но все же лучше, чем ничего. Мы принялись за дело и кое-как вырыли канаву футов около десяти длиной, около двенадцати шириной и около двух глубиной. Потом мы нарезали охотничьими ножами как можно больше низкорослого кустарника, залезли в свою яму и накрылись срезанными ветвями – все, кроме Вентфогеля, который, как готтентот, совсем не страдал от солнца. Конечно, таким образом мы нашли некоторое убежище от жгучих солнечных лучей, но я не могу даже описать, какова была температура в этой импровизированной могиле! Я до сих пор не понимаю, каким образом мы пережили этот

день. Мы лежали все время в полнейшем изнеможении и время от времени смачивали губы водой из своего скудного запаса. Если бы мы вздумали пить сколько хотели, мы бы, наверное, уничтожили все, что у нас было, в первые же два часа, но необходимо было пить как можно осторожнее: мы знали, что если нам неостанет воды, мы сейчас же погибнем.

Но всему бывает конец, если только до него доживешь, и этот ужасный день тоже как-то дотянулся до вечера. Около трех часов пополудни мы решили, что терпеть такое мучение больше совершенно невозможно. Лучше умереть на пути, чем медленно погибать от жажды и зноя в этой ужасной дыре. Так что мы отпили понемножку из своих быстро пустеющих фляжек, в которых вода нагрелась до температуры человеческой крови, и потащились дальше.

Мы прошли уже около пятидесяти миль в глубь пустыни. На карте старого Сильвестры пустыня определена в сорок лье в поперечнике, а «бассейн дурной воды» указан приблизительно посередине. Сорок лье составляют ровно сто двадцать миль, следовательно, мы теперь находились, самое большее, милях в двенадцати-пятнадцати от воды, то есть, конечно, если эта вода действительно существует.

Все время после полудня мы плелись кое-как, продвигаясь вперед с величайшим трудом и так медленно, что проходили не больше полутора миль в час. На закате мы опять отдохнули в ожидании луны и, напившись воды, успели еще немножко поспать.

Перед тем как лечь, Омбопа указал нам на какой-то незначительный холмик, видневшийся на гладкой поверхности миль за восемь от нас. Издали он был похож на муравейник, и, засыпая, я все думал о том, что бы это могло быть.

Когда взошла луна, мы пошли дальше, испытывая ужасные мучения от жажды и от невыносимого зноя. Кто не испытал этого сам, тот не может себе представить, что мы вынесли. Мы уже больше не шли, а едва передвигали ноги, шатаясь и иногда даже падая от истощения, и принуждены были отдыхать почти каждый час. У нас едва хватало энергии на то, чтобы говорить. До сих пор Гуд болтал и шутил все время, потому что он был очень веселый малый; но теперь в нем не осталось ни капли веселья.

Наконец, часов около двух, совершенно измученные и телом и духом, мы пришли к подножию этого странного песчаного холма, который с первого взгляда напоминал гигантский муравейник футов в сто вышиной; он занимал площадь чуть не в целую десятину. Тут мы остановились и, мучимые отчаянной жаждой, выпили всю свою оставшуюся воду до последней капли. После этого мы легли. Я уже начинал засыпать, когда услышал, что Омбопа говорит сам себе по-зулусски:

– Если мы не найдем воды, то все умрем прежде, чем взойдет луна...

Я содрогнулся, несмотря на жару. Близкая возможность такой ужасной смерти отнюдь не приятна, но даже и эта мысль не могла помешать мне заснуть.

VI

Вода! Вода!

Через два часа, следовательно часов около четырех, я проснулся. Мучительная жажда снова дала себя чувствовать. Я не мог больше спать. Мне только что снилось, что я купаюсь в быстром потоке, среди зеленых берегов, под деревьями; проснувшись, я снова очутился в безводной пустыне и вспомнил, что, как сказал Омбопа, если мы не найдем в этот день воды, то непременно погибнем. Никакое человеческое существо не может долго жить без воды в такую жару. Я сел и принялся тереть свою нахмуренную физиономию шершавыми руками, с пересохшей от зноя кожей. Губы у меня засохли и запеклись, веки точно склеились, и только после сильного трения мне удалось с усилием открыть глаза.

Как только мои спутники проснулись, мы стали держать совет. У нас не оставалось ни одной капли воды. Мы трясли и опрокидывали свои фляжки, лизали пробки, но все напрасно: они были сухи, как щепки. Гуд вытащил бутылку водки, которая была у него на попечении, и смотрел на нее с жадностью, но сэр Генри поспешно отнял ее, потому что спиртные напитки только ускоряют катастрофу в подобных обстоятельствах.

– Мы непременно умрем, если не найдем воды, – сказал он.

– Если верить карте старого Сильвестры, она должна быть где-то поблизости, – заметил я.

Но мое замечание никому не доставило особенного удовольствия.

Для всех было очевидно, что этой карте нельзя доверять. Забрехала заря, и пока мы сидели, смущенно поглядывая друг на друга, я заметил, что готтентот Вентфогель встал и пошел, не спуская глаз с земли. Вдруг он остановился, испустил странное горланное восклицание и указал на что-то у себя под ногами.

– Что там такое? – закричали мы и все разом вскочили и подбежали к нему.

– Ну, – сказал я, – это довольно свежий след гну. Что же из этого?

– А то, что гну никогда не уходит далеко от воды, – отвечал он по-голландски.

– Правда, я совсем об этом забыл. Ура!

Это маленькое открытие вдохнуло в нас новую жизнь; удивительно, право, как человек в отчаянном положении цепляется за малейшую надежду и притом сейчас же чувствует себя чуть ли не счастливым. В темную ночь приятно увидеть хоть одну звездочку.

Между тем Вентфогель поднял свое курносое лицо кверху и начал нюхать горячий воздух, ни дать ни взять старый баран, который чует опасность. Вдруг он сказал:

– Я чую запах воды!

Тут мы просто возликовали, так как прекрасно знали, какое удивительное чутье у этого дикого народа. Как раз в эту минуту солнце взошло в полном блеске, и нашему взору представилось такое величественное зрелище, что на время мы даже забыли свою жажду.

И было от чего: не дальше как миль за сорок или пятьдесят от нас сияли Груды Царицы Савской, отливая серебром при первых лучах утреннего солнца, а вправо и влево от них тянулась на сотни миль цепь Соломоновых гор. Теперь, когда я сижу в своей комнате и стараюсь дать понятие о необыкновенной красоте и величии этого зрелища, я чувствую, что у меня недостает слов для его описания. Даже перед воспоминанием о нем я бессилён. Прямо перед нами высились две гигантских горы, которым нет подобных во всей Африке, да, пожалуй, и в целом свете, вышиной каждая тысяч в пятнадцать футов по крайней мере. Они стояли не больше как в двенадцати милях одна от другой и соединялись полосой отвесных утесов, уходя высоко-высоко за облака, во всем своем подавляющем белоснежном величии. Они возвышались, как могучие столпы гигантских врат, и своей формой были действительно похожи на женские груди. Подножия этих гор вздымались из равнины так плавно, что издали их очер-

тания казались мягкими и изящно-округлыми; на вершине каждой горы высился маленький холмик – совсем как сосок женской груди. Холмики были покрыты снегом. Скалистая полоса, соединявшая эти горы, казалась вышиной около тысячи футов и была совершенно отвесна; а по обе их стороны тянулись ряды точно таких же утесов, прерываемых плоскими горами со столообразными вершинами, напоминающими известную всему свету гору в Капштадте. Такая форма гор вообще часто встречается в Африке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.